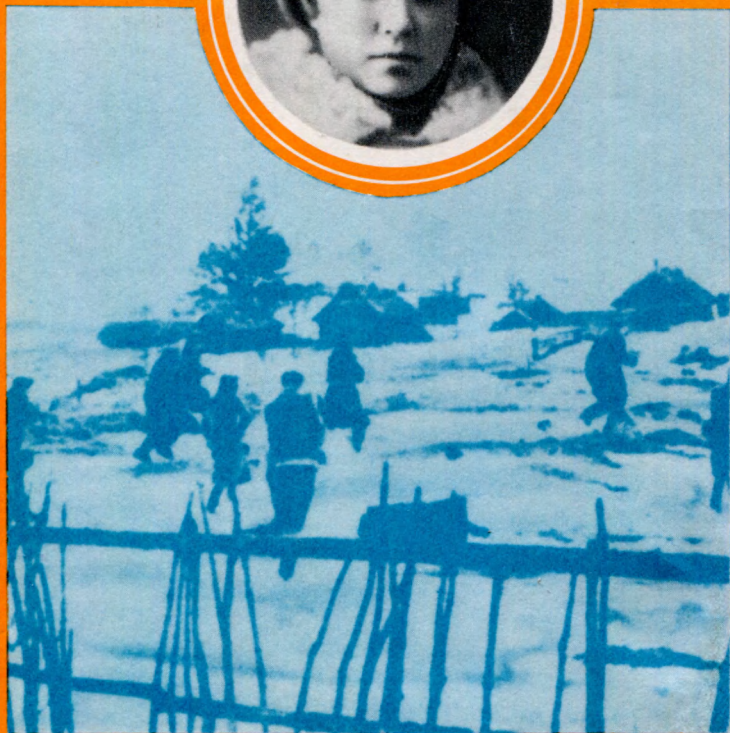

...Идем на трудное дело,
но все полны мыслью,
что выполним на «отлично».
Иначе у нас и
быть не может.
*Из письма
Елены Колесовой
родным*

**ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ**

Г. Б. ПОРОЖЕНКО
Л. Т. ПОРОЖЕНКО

**ИХ В РАЗВЕДКУ
ВОДИЛА ЛЕЛЯ**

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

Г. Б. ПОРОЖЕНКО
Л. Т. ПОРОЖЕНКО

ИХ В РАЗВЕДКУ ВОДИЛА ЛЕЛЯ

О Герое
Советского Союза
Е. Ф. Колесовой

Москва
Издательство политической
литературы
1986

Пороженко Г. Б., Пороженко Л. Т.

П59 Их в разведку водила Леля: О Герое Сов. Союза Е. Ф. Колесовой.— М.: Политиздат, 1986.— 112 с., ил.— (Герои Советской Родины).

В книге рассказывается об отважной разведчице Е. Ф. Колесовой. Когда над Отчизной нависла смертельная опасность, педагог и старшая пионервожатая 47-й московской школы Леля Колесова добровольцем ушла на фронт. Почти год возглавляла она группу девушек-разведчиц, совершавшую дерзкие рейды по фашистским тылам в Подмоскowie и Белоруссии. Бесстрашная коммунистка погибла в неравном бою с фашистами. Она посмертно удостоена звания Героя Советского Союза.

Журналисты Г. и Л. Пороженко при написании книги широко использовали архивные материалы, воспоминания товарищей Е. Колесовой, беседы со свидетелями описываемых событий.

Рассчитана на массового читателя.

П $\frac{0505030202-212}{079(02)-86}$ 134—86

ББК 63.3(2)722.78

СЮДА ПРИХОДИЛИ САМИ

1

*«Фронт. 24 октября 1941 г.
Дорогая мама!
Как ты поживаешь? Я хорошо и даже лучше
всех. Сейчас на фронте работы будет много.
Может быть, и трудно будет отвыкать от ти-
хой мирной жизни, но на это дело меня посла-
ла моя комсомольская совесть...»*

Она сложила листок солдатским треугольником, написала адрес и вышла из комнаты в коридор. Возле обитой дерматином двери остановилась, придирчиво оглядела свое отражение в оконном стекле, убрала со лба непокорную прядку и решительно постучала.

— Войдите! — глухо донеслось из-за двери.

— Здравствуй, Ярославна! — поднялся из-за стола среднего роста военный, на петлицах его гимнастерки по две шпалы, на ремне сбоку тяжелый парабеллум. — Садись, рассказывай, зачем пришла в такую рань?

— Товарищ командир, когда же наконец? Ведь уже неделя, как я здесь!

— Положим, всего третий день, — уточнил майор. — Но теперь уже скоро. Ты больше ждала, Леля Колесова...

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ

«Колесова Елена Федоровна, 1920 года рождения (деревня Колесово, Ярославской области), русская, в комсомоле с 1936 года. Образо-

вание среднее специальное (Московский индустриально-педагогический техникум)...

Работая преподавателем и старшей пионервожатой в 47-й средней школе Москвы, показала себя знающим педагогом, прекрасным воспитателем и организатором. Отличительные черты характера: смелость, решительность, инициативность. Разносторонняя спортсменка. Делу Коммунистической партии и Социалистической Родине предана до конца. Числилась в резерве на выдвижение в райком комсомола...

В начале войны Колесова Е. Ф. окончила курсы сандружинниц и медсестер. Настойчиво добивалась направления на фронт...»

Такой письменной характеристики на сидящую перед ним девушку у майора не было: все сведения о людях здесь принято было держать только в памяти. Кроме Колесовой майор помнил еще несколько десятков фамилий и характеристик.

— Как только подберем группу, сразу начнете занятия.— Майор помолчал, глядя, как за окном холодный октябрьский ветер раскачивает оголившиеся деревья, гонит по разбухшей от недавних дождей дороге остатки жухлой листвы.— Только долго заниматься не придется, Леля.— Он перевел взгляд на крупномасштабную карту Подмосковья на стене.— Сама знаешь, какая сейчас обстановка.

Она знала: обстановка к западу от Москвы по-прежнему очень тревожная. Сводки Совинформбюро середины октября, которые она слушала по радио и читала в «Правде», были малоутешительными...

Временно остановленные Красной Армией немецко-фашистские захватчики вновь попытались прорваться к столице. 30 сентября противник, имевший значительный перевес в живой силе и военной технике, лавиной танков ударил по войскам Брянского, а затем Западного и Резервного фронтов.

Несмотря на героическое сопротивление наших войск, гитлеровцам удалось прорвать оборону. 17 октября был оставлен Калинин, 18 октября фашистские танки ворвались в Малоярославец. В тот же день противнику удалось захватить Можайск. Но благодаря усилиям наших войск враг был остановлен на рубеже рек Протвы и Нары...

Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования приняли решительные меры для укрепления дальних подступов к столице, особенно на можайском направлении. Туда подтягивались воинские части с других фронтов. Тысячи москвичей — люди разных профессий и специальностей — добровольно вступали в коммунистические батальоны, из которых формировались боеспособные дивизии. Только в октябре Москва выставила навстречу врагу дополнительно 50 тысяч воинов...

Однако противник продолжал продвигаться к столице. Положение усложнилось. По решению Государственного Комитета Оборона из Москвы были эвакуированы дипломатический корпус, часть правительственных учреждений, крупные заводы и фабрики, научно-исследовательские институты, высшие и средние учебные заведения и другие организации. В столице продолжали работать Политбюро ЦК ВКП(б), Государственный Комитет Оборона и Ставка Верховного Главнокомандования...

О напряженной обстановке сообщали сводки Совинформбюро. 17 октября к москвичам по радио обратился секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков: «Товарищи москвичи! — говорил он. — Над Москвой нависла угроза. Но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови... Все силы на отпор врагу! Все на защиту Москвы!»

Выступление Щербакова Леля Колесова слушала в ЦК ВЛКСМ, куда была приглашена на беседу. Там же в кабинете одного из секретарей ЦК увидела немногословного, подтянутого майора, ее будущего командира. Вспом-

нила и день своего приезда в этот загородный дом в Жаворонках, сохранявший характерные приметы размещавшегося здесь ранее детского сада: маленькие стульчики, игрушки в углах комнат, песочницы и качели в просторном, некогда зеленом дворе. 20 октября она прочитала в «Правде» постановление Государственного Комитета Обороны о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения, подписанное председателем ГКО И. В. Сталиным. И только тогда по-настоящему почувствовала, сколь велика опасность, нависшая над столицей.

2

Невеселые Лелины думы прервал телефонный звонок на столе майора. Он поднял трубку. Говорил негромко, с небольшим акцентом. (Леся знала, что по национальности

Командир части 9903
Спрогис Артур Карлович

он латыш.) Видимо, разговор был очень серьезным: лицо майора посуровело, большие зеленые глаза потемнели. И тут она заметила, что этот мужественный, с ладной спортивной фигурой человек не так уж молод. Лет сорока, не меньше, прикинула она. Говорят, у него легендарная биография (шутка ли, орден Ленина и еще Красного Знамени на гимнастерке), но подробностей никто не знает. Известны лишь его фамилия, имя и отчество...

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА КОМАНДИРА

«...Спрогис Артур Карлович, латыш, из семьи рабочих, родился в 1904 году, член РКП(б) с 1920 года, принят Кремлевской партийной организацией... С 1918 по 1921 год — сотрудник разведотдела ВЧК, курсант Кремлевских пулеметных курсов комсостава (неоднократно назначался на почетный пост № 27 — у кремлевской квартиры В. И. Ленина)... Участвовал в разгроме банд Булак-Булаховича в Белоруссии, вел агентурную работу в логове Махно... За сложную операцию по выводу из-за рубежа Бориса Савинкова награжден именным оружием... Летом 1936 года безоговорочно принял предложение оказать помощь республиканской Испании в качестве советника частей спецназначения, лично участвовал в боевых операциях. Талантливый ученик и сподвижник выдающегося чекиста Яна Берзина... В 1940 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

С начала Великой Отечественной войны майор Спрогис А. К.¹ назначается особоуполномоченным Военного совета Западного фронта

¹ Полковник в отставке А. К. Спрогис умер 12 октября 1980 года. Похоронен в Риге. (Здесь и далее примечания авторов.)

по организации разведывательно-диверсионной борьбы в тылу врага...»

Майор Спрогис положил трубку.

— Наши войска оставили Рузу,— жестко сказал он и посмотрел на свои «командирские» часы ¹.— Половина десятого, мне пора ехать...

Часа через три послышалось урчание мотора у ворот. Возле веранды, куда выбежала Леля, остановился грузовик. Из кузова прыгивали на землю юноши и девушки с вещевыми мешками. Из подъехавшей «эмки» вышел майор Спрогис.

24 октября 1941 года войсковая часть 9903 получила очередное пополнение...

3

На стене одного из зданий Московского энергетического института (Красноказарменная улица, 14) укреплен мемориальная доска.

«В 1941—1942 гг. в правом крыле этого корпуса МЭИ формировались группы партизанско-разведывательной части 9903. Среди награжденных бойцов части пять удостоены звания Героя Советского Союза

Космодемьянская Зоя

Колесова Елена

Дронов Никита

Линьков Григорий

Банов Иван».

Имена многих бесстрашных разведчиков этой части теперь увековечены в памятниках, названиях улиц, книгах.

¹ Часы со светящимся циферблатом, выпускавшиеся в те годы специально для командиров Красной Армии.

Рассказывая о боевом пути Лели Колесовой, нельзя не познакомить читателей с командирами и рядовыми этого не совсем обычного подразделения штаба Западного фронта.

Вспоминает бывший заместитель командира, а затем командир части 9903 полковник в отставке

Афанасий Кондратьевич Мегера

В первые дни войны я вместе с группой других офицеров — слушателей Военной академии имени М. В. Фрунзе был откомандирован в распоряжение Военного совета Западного фронта. Там нам поставили конкретные задачи по организации партизанских отрядов и подпольных групп из добровольцев, обучению и переброске их за линию фронта, руководству их боевой деятельностью... В конце августа 1941 года командиром нашей группы был назначен майор

Заместитель командира части
Мегера Афанасий Кондратьевич

Спрогис Артур Карлович, имевший огромный опыт работы в органах ВЧК, ОГПУ и НКВД, как мы говорили, разведчик «милостью божьей». Он в короткий срок сумел подготовить нашу группу к масштабным, активным и решительным действиям в тылу врага. В наше распоряжение из академии имени Фрунзе прибыло еще несколько высококвалифицированных командиров, способных обучать личный состав всем необходимым приемам и методам борьбы в тылу противника. Что касается самого личного состава, то он комплектовался главным образом из комсомольцев-добровольцев...

От тех, кто был зачислен в часть 9903, никто никаких подписок не требовал. Сюда посылали только добровольцев, парней и девушек, имеющих хорошую спортивную подготовку, способных выполнить трудные задания. Направляли по путевкам ЦК ВЛКСМ после тщательного отбора.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА А. К. СПРОГИСА

«Когда фашисты подходили к Москве, я попросил у ЦК и Московского горкома комсомола две тысячи добровольцев для отбора в часть для выполнения спецзаданий во вражеском тылу. Но выбирать пришлось из трех тысяч юношей и девушек. А кабинеты райкомов партии и комсомола все продолжали и продолжали осаждать новые и новые добровольцы, рвущиеся на фронт и в партизанские отряды».

Нельзя умолчать о человеке, который приложил много сил для создания в части 9903 атмосферы полного взаимопонимания. Спокойный, уравновешенный, он увлекательно, с душевной теплотой рассказывал новичкам о героических поступках советских воинов, тружеников тыла. С ним каждый чувствовал себя увереннее, мог поделиться своими мыслями, сугубо личным и получить добрый дельный совет. Он помогал всем, кто к нему обращался: куда-то писал, за кого-то хлопотал, спорил, доказывал и всегда доби-

Комиссар части 9903
Дронов Никита Дорофеевич

вался своего. Не случайно в части его называли «папашей». И в то же время в военных делах этот человек всегда оставался требовательным, принципиальным командиром. Это был комиссар части 9903 Никита Дорофеевич Дронов.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА КОМИССАРА

«Дронов Никита Дорофеевич, 1900 года рождения, из питерских рабочих, член РКП(б) с 1918 года... Участник штурма Зимнего дворца, активный участник гражданской войны. Имеет большой опыт работы в полторганах Красной Армии... В августе 1941 года полковой комиссар Н. Д. Дронов утвержден комиссаром части 9903»¹.

¹ В 1945 году за отвагу и героизм, проявленные при форсировании реки Одер, командиру полка Н. Д. Дронову было присвоено звание Героя Советского Союза. Полковник в отставке Н. Д. Дронов умер в 1965 году в Баку.

Простота и сердечность командира части чекиста Спрогиса и полкового комиссара Дронова в сочетании с высокой требовательностью сыграли немаловажную роль для воспитания пришедшей в часть молодежи. Эти незаурядные люди, несомненно, оказали благотворное влияние и на Лелю Колесову.

4

Увидев на веранде Лелю, вновь прибывшие обступили ее, засыпали вопросами:

- Ты здесь давно? А далеко отсюда до фронта?
- По сколько часов занимаетесь?
- Была ли уже на задании?..

Ей очень хотелось ответить: «Была». Да стыдно признаться, что она еще даже к занятиям не приступала.

Решила переменить тему разговора:

- Давайте знакомиться! — Леля Колесова.
- Нина Шинкаренко...
- Тоня Лапина...
- Зина Морозова...
- Надя Белова...
- Зоя Суворова...
- Нина Суворова...

Парней дежурный по части уже увел в соседнее двухэтажное здание, там находились столовая и комнаты для занятий. Разместить девушек поручили Леле.

— Пошли, девочки, покажу вашу комнату,— предложила она.— Располагайтесь как дома.

В просторной комнате стояли аккуратно заправленные раскладушки, между ними тумбочки.

— Вот так фронт,— разочарованно заметила высокая, спортивного вида Нина Шинкаренко.— Да здесь, как у нас в институтском общежитии. Правда, Зина?

Зина Морозова, подруга Нины по Московскому центральному институту физкультуры — симпатичная девушка

с ямочками на щеках и белозубой улыбкой,— согласно кивнула подруге.

А после сытного обеда в уютной столовой дежурный объявил «мертвый час».

— А я-то думала, стрелять учиться пойдем,— вздохнула самая старшая из девушек, 24-летняя Надя Белова с седой прядкой в каштановых волосах — след от работы электросварщицей на оборонном заводе.

— Санаторий, да и только,— иронически заметила довольно громко, так, чтобы все слышали, Зоя Суворова.

— Не волнуйтесь,— усмехнулся дежурный,— еще занимается...

Откуда им, неугомонным, было знать, что из их шестерки уцелеют только двое — Нина Шинкаренко и Тоня Лапина?

Немного разочарованные, девушки отправились выполнять установленный распорядок дня. Но не прошло и десяти минут, как Леля услышала смех, топот ног, а затем чей-то звонкий девичий голос запел:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

«Под Москвой фашисты, а они песни-пляски устроили!» — возмутилась Колесова. Решительно распахнула дверь в их комнату, но вместо того, чтобы одернуть девчат, сама, захваченная знакомой мелодией, негромко запела вместе со всеми:

Кипучая,
Могучая,
Никем не побеждаемая,
Страна моя,
Москва моя,
Ты — самая любимая!..

— Знаешь что, Леля,— предложила Зина Морозова.— Перебирайся-ка к нам.

— Вот и кровать свободная,— поддержали девушки.

— Да я и сама об этом подумала,— призналась Леля.— Кто «за», поднимите руки! Принято единогласно...

А после ужина начался «вечер воспоминаний»: кто откуда, где учился, работал, как попал сюда. Выяснилось, что сестры Нина и Зоя Суворовы, Надя Белова — коренные москвички, Нина Шинкаренко из Краснодара, Тоня Лапина из Пензы, Зина Морозова из Курска. Зато биографии у всех оказались схожие, «рабоче-крестьянские». Все комсомолки, спортсменки, а с начала войны — сандружинницы и медсестры. И в эту часть пришли примерно одним и тем же путем, который тут же метко окрестили «хождение по райкомам». Не один раз пришлось девушкам побывать в райкомах и Московском горкоме комсомола, прежде чем они услышали: «Если не передумаете, завтра к 10 утра сбор у кинотеатра «Колизей»¹...

Леля слушала нехитрые рассказы своих новых подруг и думала: «С виду обыкновенные девчата, а какие смелые и настойчивые, ведь с ними можно не глядя в огонь и в воду».

— Леля, а ты что помалкиваешь? — неожиданно услышала она голос Нины.— Рассказала бы о себе.

— Так ведь у меня все, как и у вас,— пожала плечами Леля...

5

В Центральном архиве ЦК ВЛКСМ сохранился бесценный документ — стенограмма беседы с Лелей Колесовой в ЦК комсомола, состоявшейся в начале марта 1942 года. В приведенном ниже отрывке из этой стенограммы лишь исправлены некоторые погрешности, допущенные стенографисткой. А в остальном это живой рассказ нашей героини о том, как она пришла в часть 9903.

«...До самого начала войны я преподавателем и старшей

¹ Теперь в этом здании находится театр «Современник».

пионервожатой в школе работала ¹... Как раз в воскресенье 22 июня с группой восьмиклассников из похода по Подмосковию возвращалась пригородным поездом. Как всегда, песни пели... Только стали замечать — на каждой станции по радио военные марши играют.

А когда в Москву на платформу вышли, по репродуктору объявляют: «Работают все радиостанции Советского Союза!.. Сегодня в четыре часа утра... фашистская Германия...» Одним словом, война!

Я ребятам говорю:

— Едем прямо в райком комсомола!

Приехали, а в райкоме такое творится — яблоку негде упасть!.. В общем, ребят никуда не пустили и мне сказали: подожди!

— Ну, хорошо, — отвечаю, — все равно я на фронт уйду!

Днем в школе работала, вечерами на курсы сандружинниц ходить стала — так на фронт хотелось. Но тут нам сказали, что сандружинниц на фронт брать не будут, а вот медсестер чаще посылают. Но и курсы медсестер не помогли: дежурьте, говорят, в госпитале, а на фронте пока без вас обойдутся...

Как это, думаю, обойдутся! А кто раненых бойцов и командиров перевязывать будет? Вон какие кровавые бои идут повсюду! И стала я каждый день в ЦК комсомола бегать к Ильинским воротам. А там говорят: жди повестку. Все ждешь да ждешь. Как встаешь, сразу бежишь к почтовому ящику; как звонок, бежишь открывать: не повестка ли? Вот так целых полтора месяца прождала.

А потом вызывает меня секретарь нашего Фрунзенского райкома комсомола Миша Кобрин ²:

— Ты украинский язык знаешь?

— А для чего это?

¹ Средняя школа № 47 Фрунзенского района Москвы находится в 1-м Неопалимовском переулке, дом 10.

² Кобрин Михаил Моисеевич, ныне персональный пенсионер. Живет в Москве.

— Нужен,— отвечает,— человек со знанием украинского, в Западную Украину к партизанам направят.

— Так бы сразу и сказал,— говорю.— Украинский не хуже русского знаю.

Обманиваю, конечно,— ведь ярославская я, из деревни Колесово, до сих пор «окать» не отвыкла. Да что делать, если по сердцу комсомольская работа подворачивается!

Велел мне Миша к завтрашнему утру автобиографию на украинском принести. Прибежала домой, говорю управдому: «Кто у нас в доме украинский знает?» Он назвал квартиру. Там мне мою автобиографию на украинский перевели. Всю ночь я ее зубрила. Наутро прихожу к Мише, кладу бумагу на стол.

— Хорошо,— говорит,— а теперь ты мне ее по-украински расскажи.

Рассказываю, он на меня посматривает, по глазам вижу — «неуд» схвачу.

— Ну-ка, еще раз повтори,— говорит Миша.— Или что-нибудь расскажи.

— Что,— спрашиваю,— разве плохо рассказала?

— Выговор у тебя какой-то странный, больно часто «окаешь».

— Это от волнения.

— Ладно, отправляйся в ЦК вместе с Эммой (она тоже в райкоме работала, хорошо украинский знала). Кто из вас лучше украинский язык знает, того и пошлют.

В ЦК комсомола на двери кабинета, куда нам идти, табличка с фамилией «Андрееenko». Ну, думаю, все. А может, он москвич и украинского не знает. Эмма к дежурному зашла, и тот сказал, что Андрееenko чистый украинец. Вижу, крах будет, и не пошла. А Эмме повезло, ее приняли.

Сказала Мише, что не прошла, он посочувствовал:

— Говорил же, у тебя выговор не тот.

— Но я от тебя не отстану,— говорю,— пока на фронт не отправишь.

— Знаю, что не отстанешь.

А вскоре как раз разверстка в райком пришла, на троих. Тут уж мне повезло. На беседу вызвали в горком. Под конец беседы секретарь горкома комсомола сказал:

— Ты не говори дома, что в партизанский отряд, что-нибудь придумай.

Прихожу домой, а дядя Боря с тетей Наташей¹ в это время в Пушкино на даче были. Приезжаю туда с вещмешком, только ложку, кружку взяла. Тете Наташе сказала, что на трудфронт уезжаю. Она удивилась:

— Станный трудфронт. Хоть теплые носки возьми, калоши, свитер.

— Ничего не надо, тетя, там все дадут.

Но тетя все же навязала мне валенки с калошами.

Рано утром попрощалась и поехала в Москву. У «Колизея» уже была группа ребят и две девушки, все подозрительно на меня поглядывают. Я на них тоже. Но скоро подошла грузовая машина, из кабины вышел майор. Он увидел мои валенки и спросил:

— А это зачем взяла?

Хорошо, что меня подруга провожала, я ей валенки отдала. Потом мы все сели в машину и поехали сюда. С песнями...»

Чем дальше читали мы стенограмму, тем больше знакомились с Лелей Колесовой, человеком высокого гражданского долга, патриоткой, способной увлечь своим примером других. Об этом пишут и рассказывают в своих воспоминаниях ее боевые друзья. Вспоминает бывший боец группы Колесовой.

Нина Иосифовна Флягина (девичья фамилия Шинкаренко)

Бывает, что вроде бы ничем не примечательный на первый взгляд человек неожиданно, как правило в трудную минуту, раскрывается алмазной россыпью своей доброты,

¹ Наталья Михайловна Савушкина, родная сестра матери Лели Колесовой. Борис Савельевич Савушкин, муж Натальи Михайловны. В этой семье Леля воспитывалась с 5-летнего возраста.

сердечности, понимания, а там, где необходимо,— принципиальности, бескомпромиссности, решительности. Именно таким человеком была для всех нас Леля Колесова, всеобщая любимица части 9903. Сорок с лишним лет прошло, а я отчетливо помню, как в день нашего приезда в Жаворонки на веранду выбежала высокая, крепкого сложения девушка в коричневом спортивном костюме... Она обладала редкостной способностью располагать к себе окружающих и всегда находилась в центре внимания. Главное же, у Лели был природный дар разведчика, в чем мы убедились уже через несколько дней...

6

На обучение им было отпущено всего трое суток. Это обуславливалось чрезвычайной сложностью обстановки. Так решило командование Западного фронта, бойцами которого они стали с 24 октября 1941 года.

Трое суток опытные командиры учили девушек и юношей стрелять из пистолета, бросать гранаты, ставить на дорогах мины-«противопехотки», мины с часовым механизмом, ориентироваться по азимуту в ближнем лесу...

Сделать за столь короткий срок вчерашних студентов и десятиклассников полноценными армейскими разведчиками было невозможно. Поэтому их обучали только самому главному, необходимому для того, чтобы они не растерялись, не дрогнули при встрече с противником, когда очутятся во вражеском тылу.

Нине Шинкаренко и Зине Морозовой многое было знакомо — военное дело у них в институте физкультуры изучали основательно. Зато другим, в их числе Леле, все было в новинку, поэтому они с особенным усердием запоминали устройство и принцип действия гранат, мин, учились поджигать бикфордов шнур и многое другое.

Учебная работа (кстати, «работа» — любимое слово Лели) прервалась к концу третьего дня.

— Колесова, Лапина, Морозова, Шинкаренко — к командиру! — объявил появившийся на стрельбище дежурный.

В кабинете майора Спрогиса у стола сидели четыре малознакомых парня. Чуть поодаль — крепкого сложения розовощекий старший лейтенант.

— Присаживайтесь, девушки! — пригласил майор. — Теперь все в сборе, знакомьтесь!

Девушки по очереди называли себя, придиричиво рассматривая ребят. Те лаконично представились:

— Борис...

— Леша...

— Миша...

Четвертый — долговязый, смуглолицый — пробормотал что-то невнятное.

— Старшим вашей группы назначен Борис Удалов, — сказал майор. — Через линию фронта группу проведет старший лейтенант... называйте его Миша. — Крепыш-офицер ободряюще кивнул. — Конкретные задания каждый получит на месте от командира группы...

Им предстояло в тылу врага в течение семи суток минировать шоссе, разбрасывать на них «колючки», нарушать связь, взорвать мост, уничтожать фашистские автомашины с гитлеровцами, собирать ценные сведения о передвижении и сосредоточении вражеских частей...

— Предупреждаю, задание очень сложное, — сказал под конец майор. — Так что рекомендую каждому хорошенько взвесить все «за» и «против». Еще не поздно найти замену...

Леле хотелось крикнуть: «Какая может быть замена! Мы же для этого и пришли сюда!» И, словно прочитав ее мысли, майор тихо добавил:

— Вы просто не представляете всей опасности, которая ожидает вас там... — подходя к карте с флажками, обозначающими линию фронта, он обвел за нею район между Старой и Новой Рузой...

Выждав с минуту, Спрогис уже прежним, командирским, голосом продолжил:

— Итак, парни идут в военном, без знаков различия. Наганы в карманах. Девушки без оружия, во всем гражданском, получают только кирзовые сапоги. В случае чего говорите, что возвращаетесь с трудфронта, дескать, там выдали.— И, обращаясь к Борису Удалову, добавил: — Получите обмундирование, оружие, мины, взрывчатку, «колючки», сухой паек на неделю. Готовность группы завтра в шесть тридцать утра.— На прощание крепко пожал каждому руку: — Счастливого вам возвращения!

...Ранним холодным утром закамуфлированная полуторка повезла несколько групп разведчиков на запад, к линии фронта, которая находилась неподалеку. Сидела в кузове и группа Бориса Удалова. Так для восьмерки парней и девушек начиналось их первое боевое задание.

ПЕРВЫЕ УДАЧИ И ОШИБКИ

1

Из стенограммы беседы с Лелей Колесовой в ЦК ВЛКСМ

«...Ехали мы часа полтора, впереди все слышнее раздавалась канонада. Наконец машина свернула с шоссе на проселок и остановилась. Старший лейтенант Миша вышел из кабины и сказал, чтобы мы располагались на опушке леса, а сам пошел в сторону небольшой деревни.

Мы машину ветками замаскировали, только в лес вошли, как над нами немецкий стервятник пролетел. Слышу, что-то засвистело, завывало и вскоре так ухнуло рядом, что взрывной волной аж ветки с деревьев посыпались. Но, видно, бомба была небольшая, никто не пострадал, только один боец вскрикнул, за плечо схватился. Его потом обратно в часть отправили.

Тут вскоре Миша вернулся, сказал, что линию фронта нам разрешено переходить только утром, так что придется в этой деревне заночевать.

Поутру опять на машине поехали, теперь уже лесными дорогами. Потом пешком через поле к лесу пошли. Наконец Миша сказал:

— Вот вы и в тылу. Дальше пойдете самостоятельно. Скоро будет Старая Руза, потом Новая. Старайтесь не попадаться на глаза немцам и полициям, действуйте по обстановке. Счастливо, ребята! — крепко каждого обнял и медленно, словно нехотя, пошел назад, к нашим...¹

¹ 25-летний слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе старший лейтенант Михаил Александрович Клейменов, выполнявший с приходом в часть 9903 обязанности «направленца» (так неофициально назы-

Когда мы остались одни, Борис Удалов, развернув карту, взглянул на компас и скомандовал:

— Пошли!

Мы, новички, не представляли, что такое вражеский тыл. Шли медленно, думали, что повсюду немецкие засады, буквально каждый кустик разглядывали, переговаривались шепотом.

Когда начало темнеть, Борис дал команду на ночлег. Выбрали большую развесистую ель, сели под нее, сняв вещмешки, тесно друг к дружке прижались, засунув руки в рукава. Выставили часового с наганом, но никто не спал. Только задремлешь, а где-то рядом ветка хрустнет, тут же кто-нибудь спрашивает:

— Часовой, это ты на ветку наступил?

— Я... — и опять передышка минут на пятнадцать.

Утром встали, промокшие, ноги в сапогах замерзли...»

2

Понятно, что полное отсутствие разведывательного опыта существенно сказывалось на действиях группы Бориса Удалова. Да и обстановка на передовой в те дни была столь изменчивой, что линия фронта не могла быть стабильной. Вчерашняя советская территория неожиданно оказывалась в прифронтовой зоне гитлеровцев, и, наоборот, недавний вражеский тыл был захвачен нашими войсками.

Утром 29 октября Удалов послал Тоню Лапину, хорошо ориентирующуюся на местности (она пришла в часть из Московского института инженеров геодезии, аэрофото-съемки и картографии), выяснить обстановку.

вали офицеров, переправлявших группы за линию фронта), в те дни писал рапорт за рапортом с просьбой отправить его во вражеский тыл. В начале сентября 1942 года его просьба была удовлетворена: он был заброшен под город Ельню. После успешного выполнения очередного задания группа Клейменова была окружена и в неравном бою погибла. М. А. Клейменов посмертно награжден орденом Ленина.

Вскоре Тоня вернулась очень встревоженная:

— У реки, возле моста, ходит часовой с автоматом, очень похож на красноармейца.

— Что ж, мы, выходит, у своих находимся? — недоумевал Борис. — А где же тогда тыл?

Группа осторожно подошла к берегу. В самом деле, у моста прохаживался красноармеец, по виду часовой. Удалов пошел к нему, но тот вполголоса скомандовал:

— Стой, кто идет?

— Свои, — ответил Борис. — Нам нужен командир.

— Подождите, — часовой куда-то позвонил по полемому телефону, минут через пять пришел молоденький лейтенант, спросил, кто старший.

Командир группы подошел к лейтенанту и вынул из кармана гимнастерки небольшой листок. Быстро пробежав его глазами, лейтенант приказал:

— Идите за мной.

В деревне, в штабе, разведчикам объяснили, что линия фронта на этом участке сильно изломана и из вражеского тыла они снова попали к своим, в деревню Тучково. Предложили отдохнуть. А вечером тот же молоденький лейтенант повел группу к другому мосту. Затем проводил разведчиков до густого соснового леса и на прощание сказал:

— Теперь вы точно за линией фронта. Ни пуха вам ни пера!..

3

Из стенограммы беседы с Лелей Колесовой в ЦК ВЛКСМ

«Возле деревушки Марьино под Дороховом мы с Ниной в разведку попросились. Подошли к крайней избе, расспросили у хозяйки, есть ли в деревне немцы. Оказывается, они лишь изредка приезжают сюда, чтобы пограбить: «Матка, яйца, сало, млеко!» — разносится по деревне. Зато в Дорохове и немцы и полиция прочно обосновались, лучше туда не заходить.

Узнали, что на краю деревни есть сарай, где можно переночевать. Возвращаясь к своим, Нина говорит:

— Какие-то нам нескладные ребята попались. Все с оглядкой, никакой инициативы.

— Да,— отвечаю,— с такими много не наработаешь. Тоня давно говорит, отколоться от них надо. Да и во всем военном они заходить в деревни не могут. А мы в своей одежде да в платочках где хочешь пройдем. Вот и получается, что без ребят легче задание выполнять.

Решили при первом удобном случае прямо так и сказать. А случай как раз и подвернулся.

Пришли на ночевку в тот большой сарай на краю деревни.

Я говорю Борису:

— Давай, чтобы мешки и гранаты на всякий случай у каждого под рукой были.

Борис рассердился:

— Ты чего раскомандовалась?

— Пойми, если срочно уходить придется, в темноте все мешки растеряем!

В это время около сарая голоса слышались. Борис тихо скомандовал:

— Оружие к бою!

Ребята начали в темноте шарить по сену, шум подняли.

— Тихо! — прикрикнула я. — С вами пропадешь!

Хорошо, сарай длинный, да и не немцы это оказались, а местные жители за сеном пришли. Борис мне шепчет:

— Я спущусь, выясню у них обстановку. — И тихо командует: — Приготовить винтовки!

— Нельзя этого делать! — шепчу в ответ. — Мало ли кто среди них может оказаться!

На этот раз обошлось. А утром, когда в лес вернулись, я сказала Удалову, что дальше мы решили идти одни, объяснила почему. Борис расстроился:

— А кто же в разведку ходить будет?

— Вы возвращайтесь в часть, объясните причину, а мы потом все подтвердим.

Ребята посовещались, поняли, видно, что так для дела лучше, и согласились. Грустно попрощались. Они назад пошли, а мы в сторону Старой Рузы.

На пути небольшой хуторок встретился — четыре домика. Тут мы бдительность потеряли, все вчетвером прямо с вещмешками в одну избу зашли. Поздоровались с хозяйкой, сказали, из Дорохова в Можайск к своим добираемся. Хозяйка сперва поверила, но, посмотрев на наше снаряжение, встревожилась:

— А почему мешки военные за плечами?

Вот, думаю, на пустяке можно попасться. Немцы за такую «мелочь» определенно к стенке поставят. Надо хозяйку успокоить.

— Мы, — говорю, — в колхозе на уборке работали. Наши бойцы через деревню проходили, мы у них эти мешки и одолжили без отдачи.

— А я было подумала, не партизанки ли вы, — призналась хозяйка. — Немец за связь с партизанами люто карает. — И рассказала, что всего безопаснее к Старой Рузе пройти через бывший пионерлагерь, никто не увидит.

Тоня с Зиной лесочком пошли, а мы с Ниной по заброшенной лагерной дорожке. Вдруг слышим:

— Тетеньки, вы не партизанки?

Смотрим, из-за угла дома несколько ребячьих лиц осторожно выглядывают.

— А вы что, — спрашиваю, — партизан боитесь?

— Боимся, — показался из-за угла парнишка лет двенадцати, за ним еще двое. — За помощь партизанам немцы даже расстрелять могут.

— А ты так помогай, чтобы они не заметили.

— Как это?

— Я тебе дам «колючки». Положи их на дороге острием кверху. Машина с фашистами на «колючку» наедет, шина лопнет, и машина останавливается.

— Давайте, тетенька, «колючки»! — закричали наперебой мальчишки. — Не бойтесь, мы не растеряемся.

Я отсчитала им тридцать «колючек».

— Только не попадитесь, с умом разбрасывайте, — посоветовала на прощание. А оставшиеся «колючки» сама разбросала, когда по шоссе шли.

В условленном месте встретились с Тоней и Зиной. Решили с Ниной идти в Старую Рузу. Там мост через реку. Надо узнать, как он охраняется, и при возможности взорвать его...»

В стенограмме ни слова не сказано о том горьком чувстве, которое испытала Леля, когда увидела на территории пионерского лагеря пустые, осиротевшие помещения с окнами, заколоченными досками, запущенную площадку, где проводили пионерские линейки. Ведь здесь еще в июне — июле ежедневно выстраивались отряды в красных галстуках. Нина Иосифовна Флягина (Шинкаренко) и Антонина Ивановна Лапина вспоминают, что Леля несколько минут молча, со слезами на глазах смотрела в сторону бывшего пионерского лагеря, а потом, обернувшись к подругам, твердо сказала: «Я верю — придет тот день, когда снова возобновится моя пионерская работа».

Именно тогда девушки, не сговариваясь, предложили Леле стать их командиром, заместителем выбрали Тоню Лапину.

4

Антонина Ивановна Лапина

Леля очень любила шутку, даже на свое «назначение» отреагировала так:

— Раз выбрали на свою голову командиром, то и называйте меня теперь мужским именем. В детстве меня в деревне мальчишки «Алешкой-атаманом» прозвали, может, и вам понравится?

Мы остановились на «Алеше» и «Леше». Меня же — ее заместителя — девочки «окрестили» Антошей.

— Вот что, Антоша,— сказала мне Леля на окраине леса, откуда хорошо просматривались одноэтажные домики Старой Рузы и золотистый купол церкви.— Если мы с Ниной до вечера не возвратимся, вы с Зиной уходите «домой». Только постарайтесь по пути хорошенько «поработать» и головой и руками.

«Поработать головой» означало запомнить, сколько в каких населенных пунктах стоит гитлеровцев, какие войска, сведения о полицейских, о настроении населения. А «поработать руками» — это пустить в ход как можно больше «колючек», мин, поджечь дома, где обосновались фашисты.

Леля с Ниной пошли полем. По внешнему виду — девушки-беженки, да и только, одни лишь сапоги могут вызвать подозрение.

Но вот уже стало темнеть, а их все нет. Сильно беспокоились мы, решили подождать до ночи, потом до утра. Переночевали кое-как в лесу, слышим, идет кто-то. Вещмешки рядом под елью укрыты ветками. Показалась пожилая женщина. Вышли ей навстречу:

- Здравствуйте, тетечка!
- Здравствуйте! Куда путь держите?
- В Можайск, к родным.

— Только не ходите в Старую Рузу, уж больно там иродов этих много. Вчера под вечер на моих глазах двух девушек схватили и в комендатуру повели. А утром, гляжу, гонят обеих красавиц в одной колонне с военнопленными в сторону Новой Рузы. А уж коли с военнопленными, дело плохо...

Ну, думаем, конец, пропали Леля с Ниной. От такой мысли стало жутко, не хотелось верить. И поточнее узнать нельзя, на себя можно навлечь подозрение.

Два дня добирались к своим. Вышли к Москве-реке, точно к тому мосту, через который нас переводил два дня

назад в тыл лейтенант. Нас снова к нему привели. Мы сказали, что две наши девушки, вероятно, попали в плен. Потом в штабе сообщили, какие и где расположены вражеские части. А о том, как «поработали руками», мы могли доложить только своему командиру майору Спрогису. Да ничего особенного мы по пути и не сделали, если не считать, что израсходовали все мины и «колючки» — и свои, и из вещмешков Лели и Нины...

5

Из стенограммы беседы с Лелей Колесовой в ЦК ВЛКСМ

«...Вон за церковью и мост виднеется. Тут, в Старой Рузе, я впервые живых фашистов увидела. Рожи противные. Проходим мимо, я лепечу что-то, а сама думаю: «Эх, жаль, нет гранаты, сразу бы десяток гадов жизни лишила!» Нина мое настроение почувствовала, шепчет:

— Леля, мы же уговорились — только улыбаться!

Вот мы и на мосту. Первый часовой пропустил. До середины уже дошли, прикидываем, где какая планочка, куда лучше тол привязывать. Еще немного пройти осталось, как вдруг первый часовой что-то крикнул второму, а тот нас спрашивает:

— Вохин? ¹

— В Можайск,— показываем.— А больше мы ничего не понимаем.

У нас такое правило: говорить, что ничего не понимаем, даже если вопрос о жизни и смерти идет.

Но часовой что-то заподозрил, позвал еще двоих с винтовками, и они с криками «Шнель, шнель!» повели нас к деревянному дому около моста, где их караульное помещение. Там нас какой-то тип в эсэсовской форме начал на плохом русском языке допрашивать:

— Куда вы идти?

¹ Куда? (нем.).

Мы свое: мол, с трудфронта домой возвращаемся, в колхозе работали. Были в туфельках, очень износились, вот председатель сапоги и выдал.

— А почему солдатский сапог? — не поверил эсэсовец. — Вы есть партизанен! Вас надо ловить и вешать! — и руками показал, как это делается. А тут еще какая-то вертлявая женщина в упор смотрит на нас и кричит по-немецки, обращаясь к офицеру:

— Врут они все! Их сюда нарочно подослали. Это шпионки или, во всяком случае, комсомолки. Не комсомолок в таком возрасте у нас не было!

Эсэсовец меня за волосы схватил, чтобы я ему в глаза смотрела, кричит, аж слюной брызжет. Тут я давай во весь голос плакать: мол, зачем зря обижаете! А сама думаю: ах ты, предательница! Ну, ничего, мы тебя запомним, и тебя возмездие настигнет!

В общем, нас с Ниной в сарай к военнопленным запихнули, а утром вместе с пленными под усиленным конвоем в Новую Рузу погнали. Только туда пришли, нас с Ниной сразу в штаб на допрос, переводчика позвали.

Офицер спрашивает: «Кем и зачем вы посланы?» Мы снова свою легенду повторяем. Тогда нас обыскивать стали. Мы по дороге все улики выбросили — йод, кальцекус, бинты, — чтобы не подумали, что мы медсестры. Но за подкладкой пальто у меня, как назло, запал от гранаты обнаружился. Видно, карман дырявый был, запал и провалился. Офицер побагровел, несколько раз меня по лицу ударил так, что потом всю ночь в ушах звенело.

— Рус капут! Сталин капут! Москва капут! — Офицер так орал, что его немецкая овчарка вдруг стала лаять. Интересная картина получилась: офицер на меня кричит, а его любимая собака на хозяина лает!

Насчет запала я с ходу сочинила: мол, ничего особенного, увидела на дороге, подумала, губная помада, положила в карман, а он дырявый. Тут офицер меня за руку дернул так, что я отлетела в другой угол.

Потом нас в маленькую пустую комнатушку на ночь отвели в том же доме, вместе с собакой. Всю ночь мы не спали, все обдумывали, как отсюда выбраться. Только разве выберешься, если в каждой комнате вооруженные гитлеровцы. Поняли мы, что убежать не удастся, утром нас как партизанок расстреляют. Приготовились достойно умереть...»

6

И все-таки Леле и Нине удалось бежать. Под утро за стенами комнаты, в которой находились девушки, раздались тревожные крики и топот ног. Жалобно заскулила, заметалась овчарка. Леля тихонько приоткрыла дверь, и в комнату повалил густой дым.

— Пожар! — шепнула Леля, глядя, как полуодетые гитлеровцы в панике выскакивают из помещения на веранду, из-под пола которой уже пробивались языки пламени.

— Бежим! — крикнула она Нине. — Открывай окно! Быстро!

Через несколько минут они уже были на улице. С противоположной стороны дома до них доносились громкие голоса, раздавались команды, застрекотала автоматная очередь. Гитлеровцам было не до пленниц.

— Через поле и в лес! — скомандовала Леля, и подружки, пригнувшись, побежали, еще не веря, что удастся спастись.

До леса было всего метров пятьсот, но в темноте они то и дело спотыкались о кочки, камни, колдобины. Ни на секунду не покидал страх, что сейчас в спину ударит вражеская пуля. Вот где выручила хорошая спортивная подготовка. Благополучно добежав до лесочка, подружки пластом упали на землю. Они были счастливы — ведь им удалось избежать неминуемой гибели. Однако впредь надо быть осторожнее, опасность подстерегает их на каждом шагу...

Размах партизанского движения вынудил фашистское командование усилить карательные органы. К началу нападения на Советский Союз в ведомстве Гиммлера кроме девяти охранных дивизий было создано четыре так называемые эйнзацгруппы, которые комплектовались главным образом головорезами из СС, СД и гестапо. Эти отборные банды карателей применяли в своей «работе» «особые меры», иначе говоря, занимались массовым уничтожением советских людей. К ним надо добавить созданные на оккупированных территориях рейхскомиссариаты, в ведении которых находились гестапо, жандармерия.

Однако весь этот карательный аппарат оказался бессильным перед партизанами. Уже 25 июля 1941 года главное командование немецко-фашистской армии в письменном докладе ставке рейха отметило серьезную опасность партизан для немецкого тыла и его коммуникаций. В начале августа 1941 года командование группы армий «Север», а в сентябре — группы армий «Центр» вновь докладывали в ставку рейха, что «партизанские группы продолжают создавать существенные помехи в наших тылах». Пришлось гитлеровскому командованию разрабатывать специальную тактику борьбы с партизанами. 25 октября 1941 года появилась директива главнокомандования вермахта «Основные положения по борьбе с партизанами». Население, проживающее в партизанских зонах, объявлялось «бандитским» или «сочувствующим бандитам» (так гитлеровцы называли партизан), ставилось «вне закона» и подлежало расстрелу или поголовному угону на каторжные работы в Германию. Особенно бесчинствовали фашисты в тех районах Подмосковья, где наиболее активно действовали партизанские отряды. В Волоколамском районе каратели расстреляли и замучили около 800 местных жителей, в Лотошинском районе — почти 700 человек. Работоспособных женщин и подростков отправляли в товарных вагонах в Германию. По свидетельству Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодея-

ний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, из Подмосковья фашисты вывезли в Германию больше трех тысяч человек...

Такая обстановка сложилась в Подмосковье, где в то время находились Леля с Ниной.

7

Двое суток они шли лесами, минуя деревни, где размещались гитлеровские гарнизоны и комендатуры. Об этом их оповещали местные жители, несмотря на многочисленные приказы о расстреле за связь с подозрительными незнакомыми лицами и их укрывательство. Эти приказы были вывешены возле бывших правлений колхозов и в других видных местах. Жители кормили, поили девушек «чем бог послал», хотя знали, что за это они в любую минуту могут поплатиться жизнью.

В одну из деревень Леля с Ниной зашли, зная, что гитлеровцы лишь изредка наведываются сюда для очередного грабежа. Возле одной из изб стояло несколько пожилых женщин. Девушки подошли к ним. Те, увидев, что они обуты в солдатские сапоги, всплеснули руками, заохали:

— Доченьки, идите скорее в избу, видите, на дороге немцы показались! Иначе плохо вам будет!

— Поздно,— посмотрев на дорогу, ответила Леля.— Немцы нас уже заметили, если спрячемся, заподозрят неладное.

— Тогда вот что,— тихо, но уверенно сказала одна из женщин,— быстро садитесь на лавочку под окном, а ноги подожмите.

Девушки так и сделали. А женщины, тихо о чем-то разговаривая, встали рядом, заслонив разведчиц. И когда гитлеровцы прошли мимо, ничего не заметив, девушек позвали в избу, усадили за стол. После мерзлой капусты и моркови с поля — единственной пищи девушек в послед-

ние дни — забеленные молоком щи и жареный на сале картофель показались им редким лакомством. Поблагодарили хозяйку за обед, а она еще им сверток протягивает:

— Вот на дорогу возьмите немного хлеба с салом. А куда идти,— она показала рукой на восток,— мои ребята покажут...

И в другой деревне их накормили и даже оставили ночевать. А утром хозяйка предложила высокой Нине длинную юбку:

— Надень, дочка, все не так будут видны твои лыжные брюки и сапоги.

И опять их провожал, показывая лесные незаметные тропки, ведущие к деревне Тучково, мальчуган, хозяйский сын.

— Вот мы и прибыли. Лесок впереди видите? — спросил мальчуган.— За ним Москва-река, а на той стороне Тучково. Недалеко. Прощайте! — и, насвистывая песенку, он быстро зашагал обратно...

До знакомого берега они добрались благополучно. Правда, мост был взорван, но на той стороне они увидели людей в военной форме, стали махать им руками и кричать: «Перевезите, мы свои!» Через несколько минут к ним подгреб на плоскодонке красноармеец, молча кивнул, чтоб садились, а двое других бойцов на берегу держали наготове автома-
маты.

В деревне Тучково в штабной избе девушек встретил уже знакомый молоденький лейтенант.

— Здравия желаю! — с искренней радостью поприветствовал он их.— А мне подруги ваши сказали, что вы в плен попали. С ними все в порядке.

— Нам просто чудом удалось бежать,— ответила Леля. Затем она попросила проводить ее к начальнику штаба части, которому сообщила о своих наблюдениях — расположении сил противника.

После обеда лейтенант объяснил, как короче пройти к станции Тучково, а оттуда к деревне Кубинке, в особый

отдел. Первый вопрос, который им задали в особом отделе, был:

— Знали ли вы, что шли по заминированному участку?

— Не знали, а раз остались живы, значит, родились в сорочке, — отшутилась Леля и совсем серьезно сказала: — Надо сообщить майору Спрогису о нашем возвращении. А где остальные из нашей группы?

— Не беспокойтесь, они давно дома! — заверил разведчиц капитан. — И за вами уже выехала машина. А теперь расскажите, как убежали от немцев?

Когда Лелин рассказ подходил к концу, в кабинет вошел улыбаясь старший лейтенант Клейменов.

— Ну и напугали же вы всех! — крепко пожав девушкам руки, он не удержался и обнял их за плечи. — Разрешите отбыть? — обратился Клейменов к капитану. Тот кивнул головой и, выйдя из-за стола, подошел к девушкам:

— Желаю успеха!

...Через час Леля с Ниной въезжали в ворота своей части, которая размещалась теперь в поселке Кунцево. И первыми, в чьи объятия они попали, были Тоня Лапина и Зина Морозова.

— Ну, хватит целоваться-миловаться, — притворно сердито сказала Леля. — Нам отчет о проделанной работе составить надо. Антоша, бери бумагу, ручку... — И Тоня Лапина своим красивым почерком стала записывать под диктовку:

«За период с 28 октября по 5 ноября группой выполнено...»

Этот отчет Тоня отдала офицеру части Д. А. Селиванову, который обобщал сведения и передавал их в штаб фронта. В этом отчете говорилось и о том, что девушки выделились в самостоятельную группу, избрав командиром Лелю Колесову, а также о действиях Лели и Нины, задержанных гитлеровцами.

Когда Леля с Ниной, славно попарившись в бане, истопленной Тоней, вышли на веранду, их окружили новички

и стали расспрашивать об их побеге из плена. Но рассказ не состоялся.

— Колесова, Лапина, Шинкаренко, Морозова — к командиру! — объявил подошедший дежурный.

В кабинете напротив Спрогиса и Дронова сидело четверо парней во главе с Борисом Удаловым. Судя по багровым лицам ребят, разговор с ними был серьезным.

— Садитесь, — сухо кивнул Спрогис девушкам. — Теперь мы поговорим о вашем поведении. Вы, вероятно, чувствуете себя героинями, совершившими невероятный подвиг. Однако дело обстоит совсем иначе. — В голосе командира зазвучал металл, акцент усилился. — В результате грубого нарушения моего приказа произошел развал группы, что едва не привело к полному срыву задания. А легкомысленное появление Колесовой и Шинкаренко на охраняемом противником мосту, потеря ими бдительности чуть не стоили обеим жизни. Кто дал право на такую самостоятельность? — Спрогис детально разбирал все ошибки и промахи группы, а заключил так:

— Вы все заслуживаете строгого наказания, но мы с комиссаром делаем скидку на отсутствие у вас опыта в борьбе с врагом. Кроме того, учитываем, что вы искренне стремились как можно лучше выполнить первое боевое задание. Надеюсь, что необходимые выводы вы сделаете и подобного больше не повторится. И нам с комиссаром ваш урок, как говорится, пойдет впрок: при комплектовании групп будем тщательнее подбирать людей, особенно командиров. А теперь все свободны.

С пунцовыми от стыда щеками, не глядя на Спрогиса, выходила Леля из кабинета. «Правильно он сказал — самостоятельность, — подумала она. — Всем «неуд» за поведение, мне особенно. А еще старшая пионервожатая».

Леля пристроилась у тумбочки, вырвала из тетрадки листок бумаги, обмакнула ручку в чернильницу и начала писать.

«Фронт.

Здравствуйте, милые дядя Боря и тетя Наташа!..»

— Леля, иди скорее! — услышала она за спиной голос Нины Шинкаренко. — Начинается торжественное заседание Московского Совета¹.

— Да что ты! — оставив на тумбочке начатое письмо, Леля помчалась за Ниной в красный уголок, где возле черной тарелки репродуктора столпились все, кто находился в части.

Говорил председатель Моссовета В. П. Пронин:

— Слово для доклада о двадцать четвертой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции представляется...

Когда в зале и в красном уголке стихли аплодисменты, из репродуктора донесся глуховатый голос И. В. Сталина. От имени партии он призвал советский народ мобилизовать все силы на разгром врага, вселял в сердца советских людей уверенность в неизбежности поражения немецко-фашистских захватчиков. Леля видела, как светлели лица присутствующих. И когда после доклада зазвучал «Интернационал», она запела вместе со всеми этот торжественный гимн, вкладывая в его слова новый, особый смысл:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Доклад произвел на Лелю сильное впечатление. Она поняла, что именно сейчас каждый советский человек, будь он на фронте или в тылу, должен сделать все возможное,

¹ Торжественное заседание трудящихся Москвы, посвященное 24-й годовщине Великого Октября, состоялось вечером 6 ноября 1941 года в подземном вестибюле станции метро «Маяковская».

чтобы приблизить победу над фашистскими захватчиками. А ее место — она это знала твердо — там, за линией фронта в тылу врага.

Леля прошла на кухню, где Нина, Тоня, Зина и другие девушки вместе с поваром, предварительно уговорив твердо-каменного начпрода досрочно выдать «доппаек», готовились к праздничному обеду.

— Девочки, я решила, — сказала Леля, отозвав в сторону «своих», — проситься у Спрогиса на новое задание. Хоть сегодня. А как вы?

— А мы, как ты, — ответила за всех Нина.

В кабинете Спрогиса Леля решительно повторила свою просьбу.

— Обязательно пойдешь на задание, Леля, — ответил майор. — Только, как говорится, всему свое время. А пока твоей группе разрешено увольнение в Москву на двое суток.

— Служу Советскому Союзу! — совсем по-военному ответила Леля. — Только почему — моей группе? Ведь меня, как вы сказали, командиром в порядке самостоятельности избрали.

— Твои девушки час назад приходили ко мне с просьбой назначить тебя их командиром. А еще часом раньше командование части утвердило твое назначение. Такая группа в нашей части первая. Понимаешь ли всю ответственность, которая на тебя ложится?

— Спасибо, — смутилась Леля. — Можете быть уверены, не подведу.

9

Леля нетерпеливо всматривалась в фигуры людей, выходивших из дверей станции метро «Дворец Советов»¹. Нины что-то не было видно.

Вспомнила, как вчера, затаив дыхание, слушали трансляцию военного парада с Красной площади. А после празд-

¹ Ныне станция «Кропоткинская».

ничного обеда майор Спрогис вызвал Лелю к себе. «Через час еду в Москву, могу взять двоих, согласны?» Леля помчалась к «своим». Ехать вызвались все, но мест было только два, и Леля сказала, что поедет Нина. А Зина с Тоней могут добраться поездом, они свободны до 10 утра 9 ноября.

Возле метро «Красные ворота»¹ майор попросил шофера притормозить:

— Можете выходить. Девятого в девять ноль-ноль жду вас на этом же месте. Отдохните хорошенько. До встречи.

Как всегда, Спрогис был лаконичен, деловит, вежлив.

Леля сразу к себе на Метростроевскую² поехала, а Нина в институтское общежитие навестить подруг и взять что-нибудь из теплых вещей. Условились сегодня с утра пойти к Леле в школу. Она хотела показать боевой подруге свой «второй дом» — как-никак без малого три года здесь проработала. Спасибо Александру Васильевичу Старосельскому. Вряд ли бы она вообще стала учительницей, если бы не он...

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ НА ДИРЕКТОРА ТЕХНИКУМА

«Старосельский Александр Васильевич, 1905 года рождения, русский, член КПСС с 1929 года, окончил исторический факультет Саратовского госуниверситета. В 1928 году назначен директором Московского индустриально-педагогического техникума (ныне педагогическое училище № 2)...

За короткий срок создал в техникуме прекрасный коллектив педагогов. Особо следует сказать о преподавателе Конституции СССР — политкаторжанке из Болгарии М. П. Казовской, вместе со своим мужем сражавшейся в интернациональной бригаде в Испании рядом с заме-

¹ Ныне станция «Лермонтовская».

² На Метростроевской улице в доме № 7 жила семья Савушкиных.

*чательным советским писателем-публицистом
Михаилом Кольцовым...*

*По состоянию здоровья А. В. Старосельский
был снят с воинского учета, но в начале июля
1941 года добровольно ушел на фронт в составе
5-й Фрунзенской дивизии народного ополчения
(с сентября 1941 года — 113-я стрелковая диви-
зия)»¹.*

Помимо образцово организованного учебного процесса в техникуме была хорошо налажена военно-патриотическая работа. Все студенты были значкистами ГТО, ворошиловскими стрелками, каждое лето выезжали в военно-спортивные лагеря. Поэтому неудивительно, что, когда в 1939 году в стране развернулось движение молодежи за освоение просторов Дальнего Востока, все двадцать выпускниц техникума решили ехать в новые края, и среди них — Леля. Но она неожиданно услышала от директора техникума категоричное: «Нет!»

— Рано тебе туда! — убеждал Старосельский выпускницу Колесову. — Опыта нет никакого. Поработай сначала немного в Москве. Мы тебе с методразработками поможем, трудно будет — любой совет у нас получишь. А когда тверже на ногах стоять будешь, сам скажу — поезжай. Вспомни, как все начиналось, как к нам пришла...

Она вспомнила. В школе, в своем классе была заводилой, мальчишки ее побаивались. Училась средне, по-настоящему любила только литературу, писала хорошие сочинения. В шестом классе попросила назначить ее пионервожатой, постоянно возилась со своими третьеклассниками. Но даже в седьмом классе Леля, подобно большинству своих сверстников, как-то не задумывалась, какую профессию выберет.

¹ О том, что в октябре 1941 года во время тяжелых оборонительных боев с немецко-фашистскими войсками западнее города Спас-Деменска работник политотдела 113-й стрелковой дивизии батальонный комиссар А. В. Старосельский героически погибнет, Леля так и не узнает.

Директор педагогического
техникума № 2
Александр Васильевич
Старосельский в годы войны

В канун экзаменов в школу стали наезжать посланцы различных училищ, техникумов с предложениями поступать к ним учиться. Пришла как-то в Лелин класс преподавательница Московского индустриально-педагогического техникума, интересно рассказала о том, кого выпускает их техникум, какое влияние оказывает учитель на формирование личности человека. И Леля поняла, что педагог, воспитывая других, одновременно воспитывает самого себя. Он обязан это делать, чтобы всегда оставаться на высоте. И когда преподавательница техникума спросила, кто хочет пойти к ним учиться, Леля подняла руку. От неожиданности класс замер: Лелька-атаман, гроза школьных мальчишек — и, на тебе, педагог! И дома дядя Боря с тетей Наташей осторожно намекали: мол, не лучше ли закончить десятилетку, а потом в институт. В какой захочешь!

Но Леля, особенно после беседы с директором техникума Старосельским, окончательно решила стать учительни-

цей. Уехала на месяц в деревню. Время промелькнуло быстро, и к экзаменам не подготовилась. Пришла в техникум с твердым намерением забрать заявление, но директор отговорил ее, убедил Лелю сдавать экзамены. Русский сдала на хорошо, а потом выдержала и остальные экзамены.

Вот почему Леля послушалась доброго совета во второй раз и осталась в Москве, в 47-й школе. И вскоре поняла, как был прав Старосельский. Не раз приходилось ей обращаться в техникум за помощью. Частыми гостями на ее уроках были студенты-старшекурсники и преподаватели техникума. Они анализировали Лелины уроки, давали ей дельные советы, указывали на ошибки. Их присутствие всегда ободряло молодую учительницу, вызывало желание работать лучше. И если б не проклятая война, она непременно бы поступила в педагогический институт...

Вспоминая обо всем этом у входа в метро «Дворец Советов», Леля подумала: «Как было бы хорошо увидеть сейчас Александра Васильевича Старосельского, который помог ей выбрать скромную, нелегкую, но очень благородную профессию учителя». Она знала, что нашла свое призвание в жизни.

10

В Неопалимовском переулке неподалеку от школы Леля остановилась и сказала:

— Давай-ка, Нина, расправим шинели, проверим, по центру ли звездочки на шапках сидят, хорошо ли сапоги начищены. И кобуру свою с наганом, как я, вперед передвинь, чтоб ее лучше видно было. Хотя многие школьники эвакуировались, все равно кто-нибудь из ребят встретится.

Не успели подружки прифасониться в проходном дворе, как раздались чьи-то звонкие голоса:

— Ребята, смотрите, наша Леля! В шинели и с наганом! Леля шепнула Нине:

— Эх, в другое время я бы этим мальчишкам выдала, тоже — подружку Лелю себе нашли!

Старшая пионервожатая Е. Колесова
(во втором ряду четвертая слева)
со своими питомцами в
47-й школе г. Москвы

А ребята уже обступили их, бросились обнимать, закричали наперебой:

— Елена Федоровна, вы немцев видели?

— Не только видела,— ответила сияющая Леля,— даже в тылу у них вместе со своими боевыми подругами побывала. А подробности рассказать не могу — военная тайна.

Окруженные восторженными мальчишками, Леля с Ниной подошли к зданию школы. Оно было закрыто.

— Елена Федоровна,— спросил белобрысый мальчуган,— а там, в тылу, не страшно?

— По-разному бывает,— ответила Леля.— Вы слышали, как наши войска героически сражаются против наступаю-

ших гитлеровцев. Но это у фашистов временные успехи. Вот увидите, скоро Красная Армия их от Москвы отбросит...

— Ура! — дружно закричали ребята. И такой гвалт подняли, что Леле пришлось их приструнить.

— Ну, ребята, — сказала она, — время военное, нам пора. А вы только на «хорошо» и «отлично» учитесь, чтобы нам краснеть за вас не пришлось.

До самого метро провожали школьники свою учительницу Елену Федоровну и ее подругу. А когда прощались, Ваня Попов, любимец Лели, потрогал ее кобуру и тихонько спросил:

— Елена Федоровна, а наган у вас настоящий?

— Самый настоящий боевой наган. Какое же еще у разведчика оружие может быть?

— Поскорее уничтожайте всех фашистов и возвращайтесь опять наш класс учить...

Первое задание, несмотря на ошибки и просчеты, безусловно принесло положительные плоды. Девушки на практике ощутили, что такое разведывательная работа, преодолели страх, обрели уверенность в том, что они не хуже мужчин могут наносить удары по врагу в сложных условиях. Это предопределило успешное выполнение группой Колесовой новых заданий, о которых пойдет речь впереди.

ДЕВИЧИЙ ФЛАГ

1

ИЗ ПРИКАЗА ПО ЧАСТИ 9903

«Группе в составе 9 человек под командованием тов. Колесовой Е. Ф. надлежит перейти линию фронта и выйти в тыл противника в район Акулово — Крабузино с задачей разведать силы гитлеровцев в деревнях Акулово — Крабузино — Бутаково — Вишенки — Алферьево — Шахлово — Мокросемово — Свинухово — Солодово — Токарево — Глазово, заминировать дороги, ведущие к этим населенным пунктам, поджигать дома с гитлеровцами.

После выполнения задания перейти линию фронта и попасть к нашим частям. Коротко доложить в штабе воинской части, куда вы попадете, все, что знаете о противнике».

Этот приказ хранится в военном архиве.

Таким было второе задание группы Колесовой. Ее через линию фронта переводил старший лейтенант А. К. Мегера.

Афанасий Мегера

Четверка Колесовой пополнилась еще пятью девушками — посланцами ЦК комсомола: Надеждой Беловой, Марией Лаврентьевой, сестрами Зоей и Ниной Суворовыми, московской школьницей Тамарой Маханько, близкой подругой Зои Космодемьянской. Чуть позднее была создана другая самостоятельная группа девушек под командованием сотрудницы кафедры марксизма-ленинизма Московского института инженеров железнодорожного транспорта Екатерины Пожарской.

Вскоре после праздника Великого Октября меня и группу Колесовой пригласил к себе майор Спрогис. Он представил Лелю в качестве командира, а ее заместителем назвал Антонину Лапину. Сказав девушкам: «Готовьтесь, уходите на днях», он попросил Лелю и меня остаться. «Линию фронта будете переходить в районе Истры, под Рождествено.— Спрогис подошел к карте.— Действовать же надлежит на Волоколамском направлении. Подроб-

«Девятка» Лели Колесовой.

Слева направо (стоят)

Тамара Маханько, Маша Лаврентьева,

Нина Суворова, Нина Шинкаренко;

(сидят) во втором ряду —

Зоя Суворова, Леля Колесова,

Тоня Лапина, в первом ряду —

Надя Белова, Зина Морозова

ности в приказе... Экипировка: теплое белье, ватные брюки, вязанные шлемы, валенки. Верхняя одежда — гражданская. Вооружение — наганы, гранаты, мины-противопехотки, тол, бутылки с горючей смесью, «колючки». Запас продуктов питания на семь суток. Вопросы есть?» — обратился майор к Леле. Она молча покачала головой. «Учтите, на этот раз будет куда сложнее, чем под Рузой», — сказал Спрогис.

На рассвете 18 ноября из ворот дачи подмосковного поселка Кунцево выехало несколько крытых брезентом полуторок. Они везли новые группы разведчиков части 9903. В одной из таких полуторок ехал я с «девяткой» Лели Колесовой.

...Вот наконец поселок Истра, ставший в те дни прифронтовой зоной. Штатской публики почти не видно. На западе сквозь серые тучи прорываются яркие огненные всполохи, непрерывно гремит канонада. В нужном месте приказываю водителю свернуть на проселочную дорогу, в двух километрах деревня, где группа должна остановиться на ночлег. Переход линии фронта на рассвете.

Остановились в избе. Хозяйка приветливая, поставила на стол самовар. Перекусили, Леля посмотрела в окно и вдруг закричала:

— Девочки, смотрите, ребята на санках с горки катаются! Кто хочет, за мной!

Девчата гурьбой повалили на улицу. Вижу, Леля поговорила с мальчишками, откуда-то появились большие сани с оглоблями. Вскоре набившиеся туда девчата со смехом и криком помчались под гору. Невольно подумалось: какие же они еще девчонки — в нескольких километрах фронт, впереди ответственнейшее, полное опасности задание, а они, на тебе, с горки катаются! Им бы сейчас самое время влюбляться, выходить замуж да детей рожать, а приходится идти на такое опасное дело...

Утром, простившись с хозяйкой, пошли по лесной дороге в глубь соснового бора. Неожиданно за поворотом увидели наш танк, возле которого хлопотали трое танкистов.

— Вы куда, девчата? — удивленно спросил один из них. — Там же немцы.

— Вот они-то нам и нужны! — ответила за всех Леля. — Такая у нас работа.

— Понятно, — с уважением заметил кто-то из танкистов, — что ж, ни пуха ни пера вам, девчата!..

Снова шли лесом, на земле уже лежал первый снег — предвестник зимы. Наконец на опушке, развернув карту-пятиверстку, я сказал, обращаясь к Леле:

— Все. Дальше пойдете сами. Назад будете возвращаться сюда же. До встречи...

2

Нина Флягина (Шинкаренко)

Когда старший лейтенант скрылся за деревьями, Леля приказала:

— Двигаться параллельно шоссе. Идти парами, дистанция сто — сто пятьдесят метров.

Шли долго, со всеми предосторожностями, скрываясь от посторонних глаз на окраине леса. Неожиданно слышим тихую команду Лели (она шла впереди):

— Ложись! Какие-то подозрительные люди.

Мгновенно залегли. Видим, навстречу осторожно продвигается группа парней в гражданской одежде. И тут слышу тихий голос Зои Суворовой:

— Девочки, да это, никак, группа Гриши Сороки. Ну, того, который мне 7 ноября в любви объяснился, я же рассказывала. Вон он, впереди, собственной персоной.

— Разговоры! — сердито прошептала Леля, но, приоткрывшись, подтвердила: — Верно, Гриша Сорока. Только приказываю не вставать.

Парни подошли совсем близко, и тут Леля негромко крикнула:

— Стой, кто идет?

— Ложись! — скомандовал своим бойцам Сорока, а сам с автоматом наперевес, озираясь, негромко спросил:

— Кто кричит?

— Свои, Гриша, — поднимаясь, ответила Леля. — Девчата, вставайте.

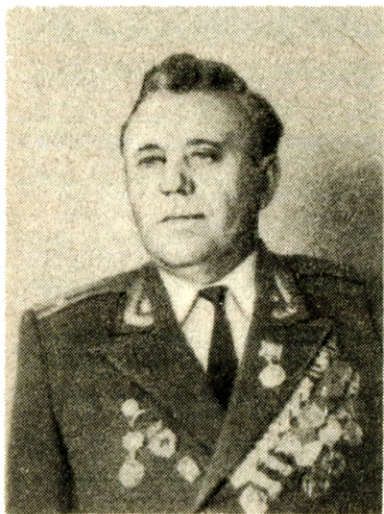
Мы поздоровались с Гришей и его товарищами, многих мы видели в части.

— Ну и напугала ты меня, Леля! — рассмеялся Гриша.

— Осторожнее ходить нужно! — ответила она. — Это тебе не в любви нашим девчатам объясняться.

— Ну, нам пора! — мгновенно посерьезнев, заторопился Гриша. — Хлопцы, пошли! До встречи!

Распрощались тепло. Леля посмотрела на карту и сказала нам с Тоней:

Командир разведывательно-диверсионной группы
Сорока Григорий Яковлевич

— Вы должны выдвинуться вперед метров на триста. Будете искать безопасный переход через шоссе. Если что подозрительное увидите, немедленно сообщите мне.

Вскоре видим — на шоссе одиноко стоит фашистский танк. То ли подбитый, а может, как и мы, в разведке? А за танком, недалеко, полусожженная деревня. Но место для перехода подходящее — на той стороне сразу начинается мелколесье. Сообщили Леле, она приказала:

— Переходите — сначала Нина, затем Тоня. А мы вас, в случае чего, огнем прикроем. (Были у нас, у половины группы, пистолеты, у остальных — винтовки СВТ¹.)

День солнечный, снег искрится, а я в темном пальто. Однако приходится рисковать — быстро пошла через шоссе. Думаю, танк будет мне хорошим прикрытием. Тоня в кювете залегла с пистолетом, а чуть поодаль наготове вся группа. Вышла на гребень, и сердце гулко застучало от неожиданности: со стороны деревни к танку шли, громко разговаривая, два немецких солдата с овчаркой. Я пулей пересекла шоссе, спряталась за небольшой елочкой, приготовила пистолет. Главное, чтобы Тоня их увидела, иначе пропала вся группа. Однако немцы подошли к танку, открыли люк, заглянули, покачали головами и, махнув рукой, двинулись дальше по шоссе.

Когда вслед за Тоней шоссе перешли все из группы, Леля перевела дух и сказала:

— Этих гадов с собакой проще простого было на тот свет отправить. Только не для этого нам с вами бутылки с горючей смесью и гранаты дали. Но если б они Нину заметили — она прицелилась пистолетом в сторону танка, — живыми бы отсюда не ушли.

Я не один раз убеждалась в том, что у нашего командира обостренное чувство ответственности за своих подчиненных. Уверена, окажись я в беде, она тут же, несмотря ни на что, открыла бы огонь.

¹ Самозарядная винтовка конструкции Токарева.

Антонина Лапина

Неподалеку от большой деревни, под самым Волоколамском, Леля, посмотрев на карту, довольно хмыкнула:

— Это же наш, так сказать, «плановый» объект. Тоня (это мне) и Надя (Беловой) — в разведку! Узнайте, в каких домах фашисты засели, где склады с боеприпасами. Легенда постоянная: вы беженки, пробираетесь к своим.

Решили с Надей войти в деревню с противоположной стороны. Я постучалась в избу, которая показалась наиболее безопасной, как обычно, попросила попить водички. Хозяйка предложила нам войти в дом.

Попили, присели на минуточку на лавку в кухне. Думаем, как бы у дедули, что молча курил рядом, выяснить обстановку. Но как к нему подступиться? И вдруг он сам обращается к нам:

— Не бойтесь, спрашивайте, чего нужно. Я ведь сразу понял, не похожи вы на беженку. Чай, сам в гражданскую партизанил...

И объяснил, что в деревне полно немцев. Возле бывшего правления колхоза усиленная охрана — там теперь большой склад боеприпасов. И у дома старосты тоже выставлена охрана, в нем немецкие офицеры живут. Под конец предупредил:

— Хоть и не знаю, куда вы путь держите, только через Истру идти не советую. Там фашистов, что в бочке сельдей, вмиг попадетесь. На деревню Крюково дорогу знаете? Вот ее и держитесь, леса там богатые, кого хочешь скроют. — И сказал хозяйке, чтоб дала нам с собой полведра картофеля.

Вернулись, рассказали все Леле. Она распорядилась отойти глубже в лес и разрешила развести небольшой костер, чтобы мы хоть немного согрелись. Вскоре все с огромным удовольствием уплетали печеную картошку.

Недельные продовольственные запасы быстро таяли, а сколько еще времени будет продолжаться наш рейд, неизвестно.

Пока ели, Леля рассказала о плане дальнейших действий. Ночью надо подойти к деревне, быстро заминировать подходы к складу боеприпасов и дому старосты, потом забросать гранатами и бутылками с горючей смесью оба здания.

— Операцию будем проводить двумя группами,— уточнила Леля.— Со мной к дому старосты пойдут Рыбочка (так мы любовно называли Тамару Маханько), Зоя и Зина. С Тоней, к складу — все остальные. Сразу после поджога отступать в лес. Сбор на этом месте. Вопросы есть?

Она никогда не принимала окончательного решения, не посоветовавшись со всей группой. Как правило, вопросы возникали редко. Когда стемнело, Леля велела погасить костер и сказала:

— Пора, девочки,— и со своей группой быстро ушла в темноту.

Двинулась в путь и наша пятерка. Молодец Леля, еще днем предложила каждой запомнить наиболее приметные ночью ориентиры на пути к обоим объектам.

Ползти с бутылками, минами и гранатами было тяжело. Правление колхоза — пятый по счету дом от края деревни. Миновали первый дом, второй, третий, четвертый... До нас стали доноситься гулкие шаги часовых.

— Вот он, склад, впереди,— прошептала я.

Как и договорились, быстро установили мины-противопехотки на случай преследования. Не прошло и нескольких минут, как ярко запылал дом старосты, послышались крики немцев, беспорядочные выстрелы. Группа Лели выполняла свое задание.

— Бутылки к бою! — тихо скомандовала я и первая метнула свою в сторону склада. Вслед полетели и другие бутылки, мгновенно воспламенив сухие бревенчатые стены склада. Теперь уже пылали оба здания.

— Отходим! — крикнула я, и мы сначала немного отползли, а затем дружно побежали к лесу.

Вслед нам застрочили автоматы, пулеметы; раздалась команда: «Форвертс!»¹ Вот тут-то и сказала Лелина предусмотрительность: преследователи один за другим стали подрываться на наших минах-противопехотках. А мы тем временем были уже у места сбора, где нас ожидала Леля с группой. И в этот момент окрестность сотряслась от оглушительных взрывов — начали рваться ящики с патронами, гранатами и другими боеприпасами.

Так действовала группа Колесовой. Днем девушки, как правило, из леса визуально изучали очередной «объект», а затем Леля посылала кого-нибудь в разведку. Уточнялось расположение домов, где размещались гитлеровцы, досконально осматривались подходы и пути отхода. А ночью по глубокому снегу девушки подползали к намеченному зданию и по сигналу Лели (она почти всегда поджигала первая) быстро бросали бутылки со смесью. Строения охватывал огонь, гитлеровцы с криками «Партизанен!» в панике выскакивали на мороз, порой в одном белье, беспорядочно стреляя из винтовок и автоматов. А кто пытался преследовать невидимых диверсанток, подрывался на поставленных ими минах.

А сколько таких мин девушки поставили на шоссейных дорогах! Если к этому добавить, что приходилось держать в памяти все места, где дислоцировались части и гарнизоны противника, базировалась вражеская техника, можно без натяжки сказать: работы у «девятки» Колесовой было предостаточно.

Леля продумывала каждую деталь, стремилась предусмотреть возможные неожиданности и требовала того же от каждого бойца группы. За сравнительно короткий срок

¹ Вперед! (нем.).

девушки превратились из новичков в инициативных разведчиц. Вероятно, именно поэтому в группе за восемнадцать суток пребывания в тылу врага не было потерь.

4

Нина Флягина (Шинкаренко)

На пятнадцатые сутки все продовольственные запасы, включая НЗ, у нас иссякли. Просить продукты у местного населения означало лишний раз обнаружить себя, а главное — Леля считала это недопустимым.

— Жители сами на голодном пайке, немцы их обирают, а с нами, здоровыми девахами, будут последним делиться, — говорила наш командир.

Однако голод и ударившие ночные морозы давали о себе знать все сильнее.

— Вот что, — глядя на наши побледневшие, осунувшиеся лица, сказала Леля, — боеприпасы все вышли, с «объектами» покончено, пора возвращаться к своим. А еду, хочешь не хочешь, в лесу придется находить. Рябину или калину наверняка отыщем. Теперь надо решить — она развернула карту, — как обратно пойдем: через Истру или по совету дедули на Крюково двинемся? Немцев меньше, а ягод больше.

Все согласились со вторым вариантом. Но сначала нужно было перейти Волоколамское шоссе, по которому непрерывно двигались немецкие войска и техника. Возле шоссе, на краю леса, мы залегли, выжидая удобный момент для броска.

Шоссе девушки перешли удачно, продвигались строго на восток. В большой деревне Сальково покормившая и приютившая их на ночь хозяйка подсказала, как лучше

пройти на Крюково. После еды и отдыха сил прибавилось — идти стало легче. Но тут неожиданно разыгралась метель, сильный ветер валил с ног, колющий снег бил по лицу, слепил глаза.

— Идти по двое, чувствовать локтем друг друга! — послышалась команда Лели, которая шла первой. — Рыбочка со мной!

Так и пошли парами, чтобы не потеряться, с интервалом в 15—20 минут. Таким порядком они благополучно миновали все полицейские посты и немецкие колонны, встречавшиеся на пути. Гитлеровцам в те часы было совсем не до проходивших мимо них крестьянских девушек в платочках. Канонада на востоке грохотала все сильнее, там шли жаркие бои.

Наконец девушки свернули на тропинку, которая должна была привести их в Крюково. И тут, в рощице, они внезапно попали под шквальный огонь советских минометов — значит, фронт совсем рядом. Но пришлось сделать крюк, чтобы обойти это гибельное место.

Они долго шли полем, по пояс проваливаясь в глубокий снег. Шли из последних сил, особенно Рыбочка, которую пришлось почти тащить на руках.

Наконец, когда зона артобстрела осталась позади, показали очертания домов. Подошли ближе. Тишина, ни одной живой души. Зато много убитых — наших и немцев. Видно, здесь недавно шел бой.

В одном из домов на кухне девушки нашли в столе муку, соль, на полках стояла посуда. Разожгли печь, напекли лепешек.

— Рыбочка, — ласково сказала Леля, — ешь побольше, набирайся сил перед последним броском.

Дверь скрипнула, в кухню робко вошла женщина с мальчиком, за ней еще несколько женщин, как выяснилось, командирских жен. Они рассказали, что здесь, в поселке Алабушево, находился военный гарнизон. Прешлой ночью и утром в поселке шел жестокий бой, женщины спрятались

в подвалах домов. Когда стрельба утихла, они вышли наверх и обнаружили двух раненых бойцов, которых перенесли в подвал.

Узнав, что девушки ждут темноты, чтобы перейти линию фронта, женщины и раненые бойцы попросили взять их с собой.

— Как же вы дойдете? — спросила Леля у опиравшихся на палки раненых. — Нина, сделай товарищам перевязку.

— Спасибо, сестричка! А что дойдем, не сомневайся, на то мы и солдаты...

Ровно в двенадцать ночи отправились в путь. Впереди Леля и Тоня, за ними женщины и солдаты, замыкали колонну Нина Шинкаренко и Надя Белова. Светила луна, было на редкость тихо. Женщины показывали дорогу. Через час колонна остановилась перед большой поляной.

— Лучше ее обойти, — решила Леля, — иначе на «кукушек»¹ можем нарваться.

И буквально метров через триста, когда начали спускаться в глубокий овраг, раздался громкий окрик: «Стой, кто идет?»

— Свои! — предостерегающе подняв руку, негромко откликнулась Леля.

— Один ко мне, остальные — на месте! — строго предупредил часовой. Но было поздно: девушки бросились к нему, и первая, кто крепко обняла его, была Тома Рыбочка...

5

Их доставили в штаб одной из сибирских дивизий, пополнивших 16-ю армию Рокоссовского. Проводили в землянку, сказали, чтобы отдыхали. Однако с пистолетами пришлось расстаться. Леля попросила отвести ее к начальнику штаба. В просторной комнате с огромной картой на столе, расцвеченной карандашными стрелками, начальник штаба —

¹ «Кукушками» называли немецких снайперов, маскировавшихся в ветвях деревьев.

полковник с двумя боевыми орденами — дружелюбно сказал ей:

— Не обижайтесь, девочки, обычная во фронтовой обстановке проверка.

Леля молча протянула ему кусочек папиросной бумаги.

— «Просим предъявителю сего оказывать всяческое содействие для доставки в часть 9903...» — прочитал полковник. — Ну что ж, с частью вашей свяжемся тотчас же. — Он тихо объяснил что-то вошедшему капитану, указывая на Лелю, потом спросил ее: — А нам ничего не хотите сообщить? — И подошел к крупномасштабной карте Подмосковья.

Леля стала показывать, где какие дислоцируются части противника и техника. Полковник пригласил в комнату начальника разведки и еще нескольких командиров.

— Послушайте, какие ценные сведения собрали девушки. — И попросил Лелю: — Пожалуйста, повторите еще раз, что мне рассказали, а майор Филиппченко отметит на карте.

— Только оружие нам верните, — попросила Леля. — А то мы как пленные себя чувствуем. Даже на вопросы предложили отвечать: «Кто первый секретарь ЦК комсомола, Московского горкома?» Не сомневайтесь, настоящим шпионам это известно!

Все громко рассмеялись, и первая — Леля.

— Еще раз спасибо за полезную информацию, — обратился полковник к Леле. — Мы немедленно сообщим об этом в штаб фронта, а вы идите к себе, а то подруги, верно, заждались.

Девушки уже сидели за большим столом, уставленным едой: в мисках квашеная капуста, ломтики сала, селедка, открытые мясные консервы.

— Леля, садись скорее, — взмолилась Рыбочка. — У всех слюнки текут!..

Через полчаса девушки крепко спали на солдатских нарах. А рано утром проснулись от страшной канонады.

— Доброе утро, красавицы! — в комнату вошел Спрогис.— Слышите, наконец-то началось! Одни «катюши» чего стоят!

— Что началось? — закричали девушки.— Какие «катюши»?

— Скоро узнаете,— с довольным видом ответил Спрогис.— А сейчас собирайтесь, поедem в нашу часть, теперь она находится в Москве, на Красноказарменной улице...

На рассвете 5 декабря 1941 года на широком фронте — от Калинина до Ельца — началось историческое контрнаступление советских войск под Москвой. Ставка Верховного Главнокомандования умело использовала благоприятный момент, когда противник выдохся и прекратил яростные атаки, но еще не успел перестроиться для ведения оборонительных действий. За месяц боев, к началу января, войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного (с 24 декабря — Брянского) фронтов разгромили основные силы соединений группы армий «Центр». Противник был отброшен от столицы на расстояние 100—250 километров. Гитлеровцы потеряли более 168 тысяч солдат и офицеров, 11 танковых, 4 моторизованных и 23 пехотных дивизии. Части и соединения Красной Армии освободили от врага 11 тысяч населенных пунктов! К этой успешной операции наших войск были причастны разведчики части 9903, в том числе и «девятка» Лели Колесовой.

6

Все пять этажей бывшего общежития студентов Московского энергетического института, куда возвратилась со второго задания группа Колесовой, были заполнены парнями и девушками в полувоенной форме без знаков различия. Распорядок дня строгий: подъем, зарядка, завтрак, политинформация, занятия — лыжи (благо, рядом Измайлов-

ский парк), строевая подготовка, спецпредметы. Выход в город только по увольнительным. Дежурный обязан докладывать командиру по-военному: «Товарищ майор! За время моего дежурства...» А вечером — свободное время. Целых два часа. Каждый занимается своим делом: кто читает, кто пишет письма или готовится к заданию, а некоторые, вернувшись из тыла, отдыхают...

Нине Шинкаренко поручили по утрам заниматься с девушками физзарядкой. Она громко командовала: «На зарядку становись!», а в ответ слышалось: «Нин, ну побойся бога, дай поспать!» Первой вскакивала Леля. По комнате разносилось: «Девочки, подъем! В здоровом теле — здоровый дух!» И все быстро поднимались.

У командира роты Лены Самохиной был хорошо поставленный голос. Бывало, идет строй девушек к Измайловскому парку, а навстречу взвод солдат-новобранцев.

— Девочки, — командует Лена, — нож-жку, на вас смотрит вся страна! Сми-ирно!

И парни, нарушая строй и разинув рты, смотрели на четко печатающую шаг колонну своих сверстниц в военных полушубках и с автоматами через плечо.

После успешного выполнения задания «девятка» Колесовой стала пользоваться в части авторитетом, девушек ласково называли «колесиками». Подполковник Спрогис разрешил всей группе увольнение в город на двое суток.

Первым делом сфотографировались все вместе и поодиночке. Затем в Военторге получили по талонам двухдневный «сухой паек».

— А теперь пойдемте ко мне домой! — пригласила Леля. — Это недалеко, на Метростроевской. Зададим пир на весь мир!

В гости пришли Гриша Сорока и несколько парней из его группы, только что вернувшейся с задания. На кухне у плиты колдовали девчата, парни накрывали на стол. И вскоре в тихой комнате на Метростроевской зазвучали смех, песни.

А поздним вечером, когда ребята ушли и девушки застелили полушубками в комнате весь пол от буфета до дивана, Леля сказала:

— Все-таки жаль, что сестры Суворовы на этот вечер домой отпросились. Уж больно хороший парень Гриша. Отличная бы с Зоей пара получилась.

7

ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА

«Колесова Елена Федоровна... Командир партизанской группы штаба Западного фронта, член ВЛКСМ... Дважды направлялась в тыл к противнику с задачами активной разведки. Работала в районах Ст. Руза, Волоколамск в течение 20 дней... Отлично дисциплинированный командир. Проявила большую смелость и находчивость в борьбе с немецкими оккупантами... На волоколамском направлении... с бойцами группы уничтожила 4 населенных пункта, занятых немцами. Привела группу после выполнения задания в полном составе. Тов. Колесова предана партии Ленина и социалистической Родине. Достоянна правительственной награды — ордена Красное Знамя.

Командир майор СПРОГИС
Полковой комиссар ДРОНОВ

15 декабря 1941 г.»

Приказом по войскам Западного фронта № 050 от 20 января 1942 года Леля Колесова была награждена орденом Красного Знамени. В этом же приказе боец группы Зинаида Морозова была удостоена ордена Красной Звезды, заместитель командира группы Антонина Лапина — медали «За отвагу».

*«...Фронт. 9 февраля 1942 г.
Здравствуйте, дорогие мои и милые друзья!
Крепко-накрепко вас целую. Сегодня вернулась
к себе в часть после двух месяцев тяжелой,
но и приятной работы, и какая радость, когда
получила от вас две открытки и одно письмо.
...Иногда ночью в лесу не спится, вот и вспом-
нишь вас, теплую комнату, уют, хороший вкусный
обед... Ну, ладно, кончится война, снова заживем
по-старому, а сейчас я должна и обязана защи-
щать свою Родину, которая дала мне знания,
а комсомол воспитал во мне боевые качества.*

*Милые дядя Боря и тетя Наташа, вы, навер-
ное, читали в газетах «Правда» и «Комсомоль-
ская правда» о работе партизан. Это мои друзья,
которыми гордится вся страна. Если вы читали
в «Правде» «о восьми повешенных в Волоколам-
ске», то из восьми двое — мои хорошие подруги,
Шура и Женя. Как ими не гордиться?»*

Леля оторвалась от письма и повернула голову к фото-
графиям на стене в траурных рамках — Жени Полтавской
и Шуры Луковиной-Грибковой. Девушки мечтали стать
художницами, учились в Московском художественно-
промышленном училище имени Калинина, а жизнь рассу-
дила по-иному — они стали разведчицами. Не с этюдни-
ками пришлось им бродить по Подмоскovie, а с толом,
минами и «колючками» в вещмешках. 4 ноября 1941 года
линию фронта перешли несколько разведгрупп части 9903.
Командиром группы, куда входили Женя и Шура, был
молодой инженер завода «Серп и молот», редактор много-
тиражки «Мартеновка» Константин Пахомов. В группе
находилось еще четверо заводских ребят — Николай Га-
лочкин, Николай Каган, Павел Кирьяков, Виктор Ординар-

цев и Иван Маненков с «Москабеля». Самому старшему — Коле Кагану исполнилось 26 лет.

Они шли на свое первое боевое задание, которое оказалось для них последним. На окраине занятого гитлеровцами Волоколамска восьмерка разведчиков неожиданно нарвалась на усиленный вражеский патруль. Завязался неравный бой, и вскоре вокруг раненых ребят, Жени и Шуры замкнулось вражеское кольцо. Их сильно избили, затем допрашивали поодиночке. Но никто не сказал, откуда они, с какой целью посланы в тыл. Тогда озверевшие гитлеровцы расстреляли всех, а потом повесили. И только 20 декабря, когда в Волоколамск ворвались советские танки, обледеневшие тела героев были преданы земле и похоронены со всеми воинскими почестями.

Еще в декабре, прочитав в «Красной звезде» о трагедии в Волоколамске, все в части поняли: речь идет о группе Кости Пахомова. А сообщение в «Правде» от 9 февраля 1942 года не оставило никаких сомнений: «От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу Военный совет Западного фронта наградил орденами Ленина восемь отважных комсомольцев, народных героев, замученных немецкими мерзавцами в Волоколамске». Среди названных — Женя Полтавская и Шура Луковина-Грибкова. Светлая память вам, девочки!

Леля вздохнула и продолжила письмо:

«Милые дядя Боря и тетя Наташа, вы, наверное, читали в газете приказ о награждении меня орденом Красного Знамени. Иногда снимаешь гимнастерку, а он блестит, и подумаешь, что правительство оценило твою работу, и хочется идти и сделать еще больше, чем сделала...»

Леля еще раз взглянула на фотографии Жени и Шуры — и глаза ее увлажнились. Ей не хотелось смириться с мыслью,

что завтра на стену придется повесить еще две фотографии в траурных рамках — Зои и Нины Суворовых, погибших несколько дней назад в бою под Сухиничами.

9

Афанасий Мегера

Бой под Сухиничами — это, пожалуй, самая яркая и самая трагическая страница в истории части 9903. Обстоятельства сложились так, что 15 января 1942 года наш сводный отряд особого назначения под командованием батальонного комиссара Н. В. Радцева и комиссара П. В. Багринцева — 460 человек — по приказу командования Западного фронта был направлен на соединение за линией фронта с орловско-брянскими партизанами. Отряд состоял из нескольких взводов и групп, в том числе и группы Лели Колесовой, блестяще зарекомендовавшей себя в 18-дневном рейде в тылу врага под Волоколамском. В этой группе вместе с Колесовой было одиннадцать девушек: уже знакомые вам Антонина Лапина, Нина Шинкаренко, Зинаида Морозова, Надежда Белова, Нина и Зоя Суворовы, Тамара Маханько и трое новеньких — Ара (Ариадна) Фанталова, Вера Ромащенко и Татьяна Ващук.

Ехал отряд в товарных вагонах, нары в два яруса, от печек-«буржук» жаром пышет. Состав двигался вперед только ночью. Днем гитлеровцы частенько и сильно бомбили, приходилось по команде «Воздушная тревога!» выбегать из вагонов в поле, зарываться в снег.

В Козельске разведчиков пересадили на грузовые машины, и они поехали в сторону Сухиничей. Потом долго шли на лыжах. В этом районе, чуть западнее города, отряд должен был перейти линию фронта.

В Сухиничах в то время находилась большая группировка гитлеровских войск, окруженная 10-й армией генерал-

лейтенанта Ф. И. Голикова. «Десятка» (так на фронте называли армию Голикова) с начала января 1942 года упорно преследовала «доблестную и непобедимую» 2-ю танковую армию генерала Гудериана. Успешно обойдя блокированный в Сухиничах гарнизон, части «десятки» к 10 января вышли к городам Киров, Людиново, Жиздра.

Генерал-полковник Шмидт, назначенный Гитлером вместо своего бывшего любимца Гудериана, стремился любой ценой удержать Сухиничи — важный узловой пункт, откуда открывалась дорога на Москву. Фюрер в своем приказе от 3 января 1942 года категорически требовал от Шмидта «цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, последней гранаты...».

Деблокировку окруженных в Сухиничах гитлеровских войск Шмидт поручил генералу Нерингу, командиру 18-й танковой дивизии, находившейся под Мценском. Неринг вместе с приданными ему пехотными частями начал наступление вдоль железной дороги Брянск — Сухиничи.

Для нашей 10-й армии это наступление было неожиданным по своей силе. Пехоте, танкам и артиллерии противника удалось прорвать нашу оборону, образовав коридор шириной 10 километров. Враг захватил Людиново и 20 января начал быстро продвигаться по дороге, вдоль которой находились деревни Попково, Бортное, Козары, Печенкино. Именно здесь после многокилометрового 15-часового лыжного марш-броска в сильную метель расположились на отдых бойцы отряда особого назначения Никиты Радцева.

Антонина Лапина

Часть отряда, в том числе и наша группа, на рассвете остановилась в деревне Козары. Облюбовали себе избу, сняли лыжи и, чуть не падая от усталости, стали раздевать-

ся. Но только успели скинуть валенки, расстелить на полу телогрейки, как дверь распахнулась, раздался голос связного: «Тревога!» Мы выбежали с оружием на улицу. На околице нам был отведен пост. А в это время со стороны деревни Попково все сильнее слышалась ожесточенная перестрелка из винтовок и автоматов.

Позднее стало известно, что основная часть отряда во главе с командиром Радцевым и комиссаром Багринцевым на рассвете 21 января расположилась на отдых в деревне Попково, не подозревая, что гитлеровцы уже побывали здесь ранее и установили скрытое наблюдение, перерезав кабель связи наших войск. Когда разместившиеся в избах разведчики стали завтракать, на улице началась сильная стрельба. На краю деревни показались вражеские танки. Радцев принял решение: драться до последнего патрона! И разведчики дрались бесстрашно, отчаянно.

Но силы были слишком неравными. Вооружение разведчиков — ручные пулеметы, автоматы, винтовки, гранаты и бутылки с горючей смесью — никак не могло противостоять фашистским танкам, шквальному огню орудий и минометов разных калибров, пулеметным очередям с летящих на бреющем «хейнкелей» и «фокке-вульфов».

В этой неравной схватке один за другим гибли бойцы отряда. Героически приняли смерть, обороняясь в каменном доме, командир отряда Радцев и комиссар Багринцев. На исходе дня, задержав наседавшие полки немецкой танковой дивизии, остатки отряда были вынуждены оставить Попково и бой перекинулся в деревню Козары, на околице которой находилась наша группа.

Так получилось, что я и Леля били из автоматов ППШ на правом фланге нашей группы, входившей в состав взвода Матвея Русакова, чуть левее отстреливались остальные девчата. А весь левый фланг прикрывали парни из того же взвода. Было их, как и нас, одиннадцать человек.

По левую сторону от нас с Лелей бил короткими очередями из «Дегтярева»¹ лихой смуглолицый пулеметчик Щербаков. Втроем у нас это неплохо получалось. Сам Матвей Русаков, на правах старшего, не раз подползал к нам, кричал ободряюще:

— Ну как, девичий фланг, держитесь?

— Не волнуйся, не хуже ваших парней работаем,— отвечала ему Леля, продолжая стрелять.

Слова, сказанные Русаковым, были повторены в названии очерка Р. Морана, опубликованного в газете «Красная звезда» 8 марта 1942 года.

Очерк «Девичий фланг» был написан, как говорится, по свежим следам.

Приведем из него небольшой отрывок:

«Настал момент, когда взвод получил указание отойти. Уже правый фланг отодвинулся, уже и девушки почти все ушли, только Леля и Тоня остались с Щербаковым, который собирал пулемет.

— Не уйду! — крикнула вдруг Тоня, вглядываясь в снежную поляну, по которой во весь рост шли фашисты.— Скидывай пулемет, говорю! — срывающимся голосом бросила она Щербакову.— Чего стоишь, не видишь, что делается?

Так горели ее глаза, такой энергией веяло от ее побледневшего и ставшего прекрасным лица, что пулеметчик стал снова устанавливать пулемет. Тоня и Леля взялись за свои автоматы, и навстречу врагу брызнули огненные струи. Немцы залегли.

— Стреляй, стреляй! — задыхаясь, кричала Тоня. Но огонь стал слабеть — диски опустели.

Девушка оглянулась: сарай, где хранились ящики с патронами, пылал. Она поползла туда и скрылась в дыму. Леля помчалась за ней. Из подворотни высунулся первый ящик. Леля вытащила его, патроны уже накалились. Рушились горящие бревна, а Тоня с трудом протискивалась в

¹ Ручной пулемет системы конструктора Дегтярева.

щель под воротами. Леля помогла ей пролезть, и она, мчась к пулеметчику с дисками, бросила на ходу:

— Беги к командиру, скажи: они уже не идут — ползут...

Но взвод уже и сам возвращался...

Двое суток продолжался этот тяжелый бой. Было много убитых и раненых. Наконец последовал новый приказ отходить. Бойцы из взвода Матвея Русакова, отстреливаясь, отошли к лесу, следом за ними — большая часть «девичьего фланга». Настала очередь Лели с Тоней. Как развивались дальнейшие события, мы узнали из рассказа Лели Колесовой.

11

Из стенограммы беседы с Лелей Колесовой в ЦК ВЛКСМ

«Слышу, Зоя кричит:

— Лелька, командир, я ранена!

Только выглянула, рядом очередь из немецкого автомата по бревнам полоснула, аж щеку обожгло. Черт с ней, с очередью, думаю, стала ползти к Зое. Добралась.

— Куда ранена?

— В ногу. А где Нина?

Нина Суворова в это время за стогом сидела, видела всю эту картину, но выйти не могла, сильный обстрел был, осколки и пули горохом сыпались. Но все же она к нам подползла. Зоя была в ногу тяжело ранена, мы с Нинушкой ее к дороге потащили. Говорили, что там должна быть санитарная повозка. Подтащили, а никакой повозки не оказалось. Тут Валерий Винярский из соседней группы¹ спрашивает:

— Кто ранен?

¹ В. Винярский — военфельдшер части 9903, погиб в Белоруссии в 1943 году.

— Валерик, Зою ранило,— отвечаю.— Нина, ты отходи, а мне Валерий поможет.

Сначала мы Зою с ним вместе тащили, потом по очереди: я тащу — он стреляет, он тащит — я стреляю. У него два автомата было, патроны, граната. Но тут его командир позвал, какое-то срочное задание дал.

Все быстро уходят, а я с Зоей ползу, очень больно ей! А снег по колено, за пять минут по два-три метра продвигаемся. Только я приспособилась ее на спине нести, как с пригорка три фашистских автоматчика застрочили. Зоя сразу закричала:

— Леля, меня опять ранило, в другую ногу!

По ней целую очередь дали. Когда я ее тащила, она мне что-то кричала, но я за выстрелами не могла услышать, да еще отстреливаться приходилось — немцы-то совсем близко были. Неожиданно огонь на время немного затих, смотрю, два бойца идут.

— Товарищи,— кричу,— устала я, хоть немного раненую понесите!

Тут как раз один знакомый командир подошел:

— Ты что такая бледная?

— Устала подругу тащить. И уже второй день ничего не ела.

Он бойцам приказал, чтоб они Зою несли.

— А ты, Леля, мне помоги,— он показал на свою бесильно висящую руку, видно, много крови потерял.

Я его немного провела, поддерживая, потом он приказал:

— Я отдохну немного, а твое дело, Леля, сообразить насчет санитарной повозки, чтобы поскорее Зое помощь оказать.

Только я начала к лесочку отходить, слышу, снова перестрелка поднялась. Как мне потом рассказали, Зоя в маскхалате была, а бойцы в темных шинелях. По ним-то немцы и открыли автоматный огонь. Одного бойца убило, другого сильно ранило. А Зоя, вероятно, погибла.

Я решила под мостом переждать, пока автоматчики уйдут. В штаб дивизии надо поскорее добраться, просить, чтобы взвод выслали,— ведь сколько раненых в деревне осталось! А может, и Зоя жива? Но как добраться, если только поднимешься, сразу немецкие автоматы по тебе строчат. Эх, решила, была не была! Встала в полный рост и побежала в сторону соседней деревни, где должен штаб находиться. Автоматчики опять застрекотали, но ничего, пронесло. Только маскхалат немного задело и валенок, но нога в порядке.

В штабе нашем никого знакомых, хорошо хоть Тоню Лапину встретила. Только мы в штаб дивизии собрались, чтобы взвод просить, а нам какой-то командир приказал:

— Вы разведчицы? Вот и пойдете в разведку — лес прочесывать!

И мы с Тоней, да еще пять бойцов нам дали, отправились лес прочесывать. Это было нужно сделать для безопасного отхода наших частей...»

На этом стенограмма беседы с Лелей Колесовой в ЦК комсомола обрывается. Но главные героические дела Лели были впереди...

Афанасий Мегера

Сводный отряд особого назначения части 9903 потерял в этом бою большую часть личного состава. Не подготовленным к открытым боям разведчикам неожиданно пришлось вступить в схватку с превосходящими силами противника. Но бойцы отряда с честью выполнили полученный приказ командующего 10-й армией генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова: держаться любой ценой до подхода подкреплений. Оперативно и умело действовали в этом бою командиры взводов и групп Матвей Русаков, Фарид Фазлиахметов, Илья Шарий, Олег Новиков... Особо хочется отметить «девичий фланг» — разведчиц из группы Колесовой, которые сражались на равных с мужчинами, особенно в деревнях Бортное и Козары, где погибли сестры Зоя и Нина Суворовы.

НА НЕЕ ДЕРЖАЛИ РАВНЕНИЕ

1

«12 апреля 1942 г.

Дорогие дядя Боря, тетя Наташа и Галюшка¹, пишу с дороги... Уезжаем большим отрядом на продолжительный срок. Вот поработаем на славу! Пусть только попадутся, сволочи, на нашем пути, никто не уйдет! В этот раз идем на трудное дело, но все полны мыслью, что выполним «на отлично». Иначе у нас и быть не может... Обо мне не беспокойтесь. Я буду жива и здорова, но письма от меня долго не будет. Крепко вас целую много раз.

АЛЕША»

Это последнее письмо, отправленное Лелей Колесовой родным из Москвы. Под словами «уезжаем на продолжительный срок» подразумевалась заброска ее группы в глубокий вражеский тыл, на временно оккупированную гитлеровцами территорию Белоруссии.

2

Мощный рев моторов транспортного самолета проникал в салон, где вдоль бортов разместились на металлических сиденьях 12 девушек в армейской форме без знаков различия: пилотки с красными звездочками, на гимнастерах — боевые награды, на ногах кирзовые сапоги.

¹ Галина Колесова, младшая сестра Лели, некоторое время жила в семье Савушкиных.

Здесь необходимо пояснить, что военная одежда, включая боевые награды на гимнастерках, была тщательно продумана людьми, которые готовили и отправляли весной 1942 года разведгруппы, в том числе и группу Колесовой, на оккупированную врагом территорию Белоруссии. Местное население, запуганное фашистскими карателями, не имело верного представления об обстановке на фронте. Гитлеровцы усиленно распространяли слухи, печатали листовки, объявления о захвате ими Москвы, о полном разгроме Красной Армии. Поэтому появление на глухих лесных тропах вооруженных людей в красноармейской форме, у которых в вещмешках кроме мин, тола, гранат, запалов лежали свежие номера «Правды», было для местных жителей самым веским доказательством того, что Красная Армия не только не разбита, а, наоборот, активно сражается с врагом даже здесь, в глубоком тылу.

Эти расчеты, хотя и были сопряжены с определенным риском, полностью оправдали себя. Заметим при этом, что военную форму бойцы-десантники носили нечасто, лишь в хорошо проверенных, безопасных местах. Для выполнения же боевых заданий у них имелась вполне надежная «штатская» одежда. Вот что вспоминает по поводу группы Колесовой бывший комиссар партизанского отряда, ныне председатель колхоза «Маяк коммунизма» Борисовского района Минской области Герой Социалистического Труда

Феодосий Вавилович Юданов

...Когда мы познакомились с девушками из группы Лели Колесовой, сразу обратили внимание на их военную форму и боевые награды. У самой Лели был орден Красного Знамени — самая высокая тогда боевая награда. «Вот это да!» — восхищенно качали головами мои партизаны. «А вы как думали? — говорил я им, сам немало изумленный видом девушек. — Москва кого попало сюда не при-

шлет!» А уж среди наших жителей только и разговоров было, что о военном десанте из Москвы... Только перед разведкой или диверсией девушки всегда во все крестьянское переодевались. Леля, помню, даже лицо сажей мазала, чтобы не бросаться в глаза своей красотой гитлеровцам и полицаям...

О том же говорил в беседе с нами бывший связной Лели Колесовой, ныне мастер Крупского лесхоза

Дмитрий Алексеевич Синяк

Девчата из группы Колесовой произвели на нас, местных, сильное впечатление... Здесь, в белорусских лесах, только начиналось партизанское движение, а они — в военной форме, при наградах! Особенно к лицу была гимнастерка с орденом Леле Колесовой. Не случайно моя будущая жена Катя (она тогда еще совсем девчонкой была), последовав моему примеру, стала связной Лели. Да разве только одна моя Катя.

Почти все, с кем нам довелось встретиться и побеседовать в Крупском районе Минской области, — бывшие партизаны, их командиры, просто жители (всего около ста человек), — говорили об огромном психологическом воздействии на них московских «красных десантниц» во главе с Колесовой.

3

О чем думала Леля в ту ночь на 1 мая 1942 года, когда самолет с погашенными огнями пересекал линию фронта? Может быть, о том, что значительного произошло в жизни ее и подруг за минувшие два с половиной месяца, когда после трагического боя под Сухиничами разведчицы вновь вернулись в родную часть, на Красноказарменную, 14?

Событий было много, радостных и грустных, в масштабе страны и сугубо личных. Из крупных — разгром немецко-

фашистских войск под Москвой. Сводки Совинформбюро каждый день приносили радостные вести об освобождении Красной Армией все новых подмосковных городов и сел, об огромных потерях противника.

Из радостных личных событий больше всего запомнились два. Первое — это когда в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручал Леле орден Красного Знамени. Очень приятно было также читать в газетах корреспонденции о боевых подвигах «девятки» под командованием «Лели К.», видеть в «Комсомольской правде» свой портрет, нарисованный художником В. Щегловым в день, когда она с Соней Пашуканкой была на антифашистском митинге молодежи в Колонном зале Дома союзов.

Но, пожалуй, самым волнующим был день 10 марта 1942 года, когда ей, Тоне Лапиной, Зине Морозовой и Нине Шинкаренко в политотделе Западного фронта были вручены карточки кандидатов в члены ВКП(б).

Перед этим девушки несколько недель терзались сомнениями: а готовы ли они, заслуживают ли высокого звания коммуниста? Припоминали свои ошибки, недостатки, пробелы в образовании. «От ошибок никто не застрахован, от недостатков надо избавляться,— подвела итог Леля.— Но кое-что полезное для Родины мы все же сделали, а главное — мы хотим быть в партии коммунистов по зову сердца. Пойду за советом к Артуру Карловичу».

«То, что вы сомневаетесь, взвешиваете все «за» и «против» — это правильно,— выслушав Лелю, сказал ей подполковник Спрогис.— Коммунист должен быть самокритичным, принципиальным, с чистой совестью. Но хочу вас успокоить,— он ободряюще улыбнулся,— на последнем заседании партийного бюро части решался вопрос о принятии костяка вашей группы кандидатами в члены партии. Все согласилось, что вы заслуживаете этого. Лично я готов каждой из твоей «четверки» дать рекомендацию. Уверен,

что и комсомольцы вам не откажут. Так что берите рекомендации, пишите заявления».

И вот теперь, оставив вместе с другими документами свои кандидатские карточки на хранение в части, они летят на новое задание. Более ответственное и опасное, чем предыдущие.

Горько, что вместе с ними нет Нины и Зои. Придет время, и о мужественных разведчицах сестрах Суворовых узнают люди, как узнали о бессмертном подвиге бойца части 9903 Зои Космодемьянской. А пока портреты сестер висят на стене в их комнате на Красноказарменной рядом с фотографиями Зои Космодемьянской и восьми героев из группы Кости Пахомова.

Неизвестно, думала ли Леля о том, какая судьба ожидает девушек, которые вместе с ней летят в глубокий вражеский тыл для выполнения важного задания командования. Их сейчас одиннадцать: Тоня Лапина, Нина Шинкаренко, Зина Морозова, Надя Белова, Тамара Маханько, Ара Фанталова, Аня Минаева, Вера Ромашенко, Таня Ващук и «новички» — Шура Лисицына и Тася Алексеева. Какая обстановка на оккупированной территории Белоруссии, особенно в Крупском районе Минской области, куда забрасывается группа?

4

С самого начала оккупации гитлеровцами территории Белоруссии там стали создаваться партизанские отряды. Советские люди поднимались на борьбу с фашистскими захватчиками. Руководство партизанами осуществляли подпольные обкомы, горкомы и райкомы Коммунистической партии Белоруссии.

Партизанские отряды, созданные из местных жителей, пополнялись красноармейцами и командирами, попавшими в окружение. Эти люди, как правило, привносили в ряды партизан воинскую выучку, дисциплину, часто становились

командирами или комиссарами отрядов. Например, в Усакинских лесах (Кличевский район Могилевской области) сосредоточилось несколько крупных партизанских отрядов во главе с командирами и политработниками Красной Армии В. И. Ливенцевым, М. Ф. Сперанским, Г. К. Павловым, В. М. Сырцовым, Г. М. Колбневым, директором школы И. З. Изохом.

В середине марта 1942 года партизанские отряды разгромили кличевский гарнизон гитлеровцев, а вскоре выдворили оккупантов со всей территории района. 3 апреля 1942 года здесь, в глубоком тылу противника, была восстановлена Советская власть. Регулярно стала выпускаться районная газета, во всех деревнях отмечался Первомай, заседали правления колхозов, обсуждая, как лучше выполнить постановление Кличевских райкома партии и райисполкома «О весеннем севе и пользовании землей на территории Кличевского советского района в 1942 году...».

Однако в большинстве районов оккупированной Белоруссии, в том числе и в Крупском, куда была заброшена группа Колесовой, партизанские отряды были еще разобщены, слабо вооружены, не имели связи с Большой землей. В то же время и в самих Крупках, и в близлежащих деревнях Велятичи, Выдрица, в других населенных пунктах района находились довольно крупные гарнизоны немецко-фашистских карателей. Это обуславливалось тем, что по территории района проходила важная железнодорожная артерия Москва — Минск и шоссе стратегического значения. К тому же совсем рядом, в Борисовском районе, размещалась крупнейшая разведывательно-диверсионная школа абвера «Сатурн».

Местные жители подвергались жестоким репрессиям. Всех заподозренных в сочувствии партизанам немедленно расстреливали, живыми закапывали в землю, сжигали дотла их деревни.

Лея и девушки ее группы были мало знакомы с обстановкой на месте. Им были известны только основные задачи,

поставленные группе перед ее вылетом подполковником Спрогисом: разведка и диверсии. Сообщать о проделанной работе Колесова должна была по рации, которая находилась в группе капитана Бориса Вацлавского, заброшенной под Минск двумя неделями раньше.

Над линией фронта самолет попал под сильный обстрел вражеских зениток, пилот был вынужден резко менять высоту. Когда благополучно миновали зону обстрела, начались новые неприятности — за иллюминаторами плыли, плотно окутывая самолет, густые облака. Наконец, когда самолет закончил разворот, в салоне зажглась сигнальная лампочка. Из кабины пилотов вышел инструктор, подошел к боковой двери. Поднялась со своего места и Леля...

5

Нина Флягина (Шинкаренко)

Первой в черную бездну прыгнула Леля, за ней другие. Когда настала очередь Таси Алексеевой, она замешкалась и, как говорится, сбила общий ритм. Поэтому я, вероятно, прыгнула на несколько минут позже намеченного срока.

Приземлилась благополучно в лесу. Вскоре слышу, кто-то палкой стучит по стволу. Стукнет, подождет, потом опять два удара. Слава богу, кто-то из наших. (У нас такой пароль был: если первый стучит по стволу два раза, другой отвечает тремя ударами, в сумме должно быть пять.) Так через несколько минут мы встретились с Надюшей Беловой.

— Давай искать остальных,— сказала Надя.

Долго бродили по лесу, совсем рассвело. Наконец вышли к краю леса, дальше — болота. Выбрали поляну посуше, набросали веток, прижались друг к другу и как в бездну провалились — заснули. Через несколько часов пошли

к запасному месту сбора возле деревни Прудок. Двое суток прождали — никого. Решили осторожно выяснить у местного населения, может, кому известно об остальных девушках. Повстречавшийся на опушке пастух внимательно осмотрел нас и сказал:

— Вы, случаем, не из того десанта, о котором везде слух идет. Более шестидесяти человек военных, говорят, в нашу местность заброшены. Трех разбившихся девушек в такой же форме жители обнаружили. Двоих сразу похоронили, а труп третьей никто найти не может, хотя я его самолично в лесу видел.

Очень расстроил нас пастух, но все же затеплилась надежда на то, что где-то рядом свои — или Леля, или партизаны...

Леля находилась примерно в десяти километрах от Нины и Нади. Но их встреча состоялась лишь три недели спустя. За это время Нина с Надей поняли из рассказов местных жителей, что разбились Таня Ващук и Томочка Маханько (Рыбочка — любимица группы). Побывали на их могиле — небольшой холмик земли в лесу, возле трех сосен на окраине деревни Миговщины.

Ночевали Нина с Надей в лесу, потом трое суток провели в хате пожилой крестьянки из Миговщины Химы Синяк. Истинная патриотка, она не только приютила девушек, но через своего племянника вывела Нину и Надю на связного из партизанского отряда Сергея Жунина¹. После тщательной проверки командир отряда убедился, что перед ним советские разведчицы из десанта, а командует ими, как говорили местные жители, бесстрашная женщина по кличке Леля-атаман.

¹ Герой Советского Союза Сергей Георгиевич Жунин, бывший командир партизанского отряда, затем 8-й партизанской бригады. Умер в 1977 году.

Отряд Жунина был небольшой, но крепко сбитый, боевой. С жадностью слушали партизаны рассказы Нины и Нади о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, до дыр зачитали сохранившиеся у девушек апрельские номера «Правды». Жунин предложил разведчицам остаться в отряде. Они участвовали в нескольких боевых операциях, но не теряли надежды на встречу со своей группой. И наконец дождались.

— Нашлась ваша Леля,— сообщил девушкам Сергей Жунин.— Мои связные вышли на группу Вацлавского, рассказали ему о вас, а у него, как выяснилось, уже налажена связь с Колесовой... А может, останетесь?

— Как ни хорошо в гостях, а дома лучше,— ответили девушки.

— Жаль,— искренне ответил командир.— Ни за что не отпустил бы вас, если б не знал, что у вас особое задание.

Через несколько часов Нина и Надя были в лагере Лели Колесовой, от которой узнали о судьбе других своих друзей.

6

Антонина Лапина

Приземлившись, я долго блуждала по лесу. Наконец, когда уже рассветало, заметила на просеке две знакомые фигуры — Лелю и Аню Минаеву (за малый рост мы в шутку называли ее Пуговкой). Мы крепко обнялись.

— Хорошо, хоть ты объявилась,— сказала сильно расстроенная Леля.— Потерялись Нина, Надя, Таня Вашук, Томочка Рыбочка...

— А остальные?

— Лучше бы ты этого вопроса не задавала,— в голосе Лели звучали печаль и горечь.— Тася разбилась при приземлении, мы ее похоронили. Зина парашютом за высокую

сосну зацепилась, отстегнула лямки и, упав, сильно ударилась позвоночником о торчащие корни. Стонет, с места сдвинуться не может... У Ары Фанталовой и Веры растяжение связок. Я Шуру Лисицыну их охранять оставила. В общем, из двенадцати человек целы-невредимы только четверо.— И, сжав кулаки, решительно добавила: — И все равно, пусть вчетвером, немедленно начнем работать. Пошли в лагерь.

Лагеря, как такового, не было. Неподалеку от Миговщины в лесочке на высоком месте был сооружен из веток большой шалаш, рядом брезентовые домики из плащ-палаток. За лесом сзади — болото.

— Лесок, конечно, редковат, зато отсюда, с высоты, все подходы хорошо просматриваются,— пояснила мне Леля.— И вообще, куда денешься — ведь Зина совсем передвигаться не может. Скорее бы с Вацлавским встретиться, может, у него врач есть.

Зина бледная, страдающая от нестерпимой боли, лежала возле шалаша на лесной «постели» из лапника, покрытого куском парашюта. Возле нее хлопотал мужчина, по всему видно, из местных.

— Здешний лесник,— ответила Леля на мой вопросительный взгляд.— Наш человек. Хочет перевезти Зину к себе домой.

Я хоть и знала приказ Спрогиса не принимать в группу посторонних, но спорить не стала, понимая, как сейчас нужен нам каждый лишний человек, тем более мужчина. А в том, что Леля не ошиблась в выборе, я не сомневалась. У нее была редкостная интуиция, она с первого взгляда угадывала, кто «наш», а кто «чужой».

Неподалеку от деревни Выдрица, где стоял большой немецкий гарнизон, нас должен был ждать капитан Вацлавский, который по радиации был оповещен Спрогисом о заброске нашей группы. Место и время этой встречи были известны только Леле. Вечером она, посмотрев на часы, поднялась:

— Мне пора. Кто со мной?

Я, конечно, сразу вызвалась.

— Что ж, лучше было бы идти Тоне,— ответила Леля.— Вокруг Выдрицы немцев полным-полно. Чтобы не попасться, опыт нужен. Только если командир с заместителем уйдут (я была назначена заместителем командира группы), кто же беспомощных девчат охранять будет? У Шуры и Веры боевого опыта почти нет, а Пуговка пусть не обижается, еще совсем девчонка. В общем, мы с Шурой идем, а Тоня, Вера и Пуговка остаются здесь за хозяйек!..

Вернулись они через сутки, усталые, голодные. На встречу никто из группы Вацлавского не пришел.

— Следующая встреча только через пять дней,— вздохнула Леля.— Будем пока вести разведку и, где возможно, засады устраивать. Кстати, местные жители рассказали, что видели в лесу девушек в красноармейской форме. Вероятно, это кто-то из наших...

7

Через пять дней, 6 мая 1942 года, Леля послала на повторную встречу с Вацлавским Тоню Лапину и Шуру Лисицыну. Но, как стало известно на другой день от местных, возле деревни Выдрицы разведчиц задержал немецкий патруль. Бежать девушкам не удалось. После изнурительных допросов в Борисовском гестапо Тоню Лапину отправили в фашистский концлагерь, где она пробыла до прихода частей Красной Армии. Что стало с Шурой Лисицыной, не установлено до сих пор.

Итак, 7 мая из двенадцати заброшенных в тыл врага девушек осталось всего пятеро — Леля Колесова, Вера Ромашенко, Ара Фанталова, Аня Минаева и беспомощная, неподвижная Зина Морозова. Положение командира группы, потерявшего за неделю больше половины своих разведчиц, было не из легких. К тому же Леля знала только о гибели Таси Алексеевой и аресте Тони с Шурой. А что

с остальными? Живы ли? Запутались в лесах или попали в плен?

И сегодня, сорок с лишним лет спустя, трудно ответить, почему все так произошло. Вероятнее всего, стечение целого ряда неблагоприятных обстоятельств. И общая военная обстановка, требовавшая немедленной отправки разведчиков в тыл врага. И плохие погодные условия, из-за которых пилот был вынужден производить выброску десантников на небольшой высоте, не гарантировавшей их безопасность. И наконец, о чем нельзя не сказать, это слабая подготовленность разведчиц к прыжкам с парашютом. Согласитесь, что двухчасовое занятие, во время которого инструктор объяснил девушкам, как складывать парашют и выдергивать кольцо во время прыжка,— слишком малый срок для успешного проведения десантной операции.

Горький опыт группы Колесовой был для людей, готовивших воздушных десантников, тяжелым уроком, и все последующие группы стали обучать прыжкам более серьезно и продуманно. Трудно предположить, что решила тогда предпринять Леля Колесова, оказавшись вместе с группой в таком трагическом положении.

Ясно только одно. Во главе группы, состоящей из четырех боеспособных разведчиц, Леля продолжала выполнять задание.

Они устраивали засады возле шоссе, предварительно заминировав полотно дороги. В первой подорвавшейся на mine машине ехал взвод гитлеровцев. Одиннадцать из них были убиты меткими выстрелами разведчиц. Но когда к месту боя подоспело подкрепление на машинах с солдатами, девушкам пришлось уйти в лес. В начале июня группа состояла уже из шести человек: она пополнилась вернувшимися из отряда Сергея Жунина Ниной Флягиной и Надей Беловой. Разведчицы подожгли мост через реку около деревни Велятичи. Гитлеровцы решили восстановить разрушенный мост и направили туда грузовик с солдатами. Девушки лежали в засаде и, дождавшись, когда машина

подъехала поближе, дружными винтовочными залпами и очередями из автоматов уничтожили всех гитлеровских солдат.

В те же дни Колесова встретила с людьми, которые стали ее боевыми товарищами по борьбе с оккупантами на белорусской земле.

Познакомимся с некоторыми из них:

Борис Николаевич Вацлавский. Перед войной студент 3-го курса Московского авиационного института, он пошел работать на ЗИЛ. Летал на спортивных самолетах, прыгал с парашютом, был участником традиционных авиационных парадов на Тушинском аэродроме.

С самого начала войны ушел добровольцем на фронт. В составе одного из десантов был заброшен в тыл врага под

Командир разведывательно-
диверсионной группы
Вацлавский Борис Николаевич

Смоленск. Возвратился на советскую территорию вместе с выведенными из окружения 350 бойцами и командирами Красной Армии. К моменту прихода в часть 9903 командир Красной Армии Б. Н. Вацлавский был награжден орденом Красного Знамени. До заброски в Белоруссию успешно выполнил ряд заданий командования части. В составе сводного отряда особого назначения под командованием Никиты Радцева Вацлавский, будучи командиром разведки, храбро сражался в неравном бою с гитлеровцами под Сухиничами. Он пользовался большим авторитетом у бойцов и командиров части 9903.

Следующим нужно назвать уже знакомого нам Григория Яковлевича Сороку. Он тоже ушел на фронт в первые

Командир группы подрывников
Кожушко Павел Иванович

Командир партизанского отряда
Герой Советского Союза
Ливенцев Виктор Ильич

дни войны, попал в окружение, был схвачен гитлеровцами, но сумел бежать и, перейдя линию фронта, вернулся в ряды Красной Армии. Бесстрашный воин, опытный разведчик части 9903, Григорий Сорока в быту был на редкость скромным, даже застенчивым человеком. Все девушки части относились к нему с большой теплотой, почтительно называя «дядей Гришей», хотя этому «дяде» было всего на два-три года больше, чем им.

Еще с двумя замечательными людьми свели Лелю Колесову партизанские тропы Белоруссии.

Павел Иванович Кожушко, работавший до войны инженером в паровозном депо, безусловно, не думал, что его партизанской «специальностью» станет полная опасности и риска работа подрывника фашистских эшелонов. Забегая вперед, скажем, что к моменту освобождения Белоруссии частями Красной Армии Павел Кожушко пустил под откос около 30 вражеских эшелонов, за что был награжден двумя орденами Ленина.

Командиром партизанского отряда, в котором П. И. Кожушко возглавлял подрывную группу, был Виктор Ильич Ливенцев, бывший учитель, ставший перед войной кадровым военным. Ему, командиру 1-й Бобруйской партизанской бригады, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Нам посчастливилось встретиться с этими людьми — подлинными героями белорусского партизанского движения. Вот что они рассказали о нашей героине Леле Колесовой.

8

Борис Николаевич Вацлавский

На первую встречу с Колесовой, которую я хорошо знал по Подмоскovie, я выйти не смог — задержался на важном задании. На вторую встречу пришел точно, долго ждал,

но ни Леля, ни кто-либо другой из ее группы не появился. Возникло опасение: а может быть, девушки попали в лапы гитлеровцев? Ведь их в Выдрице, как сельдей в бочке. И еще через пять дней, 11 мая, почти потеряв надежду, я с двумя своими хлопцами отправился на третью встречу.

Леля была девушка отчаянная, умная и находчивая. И красивая. Теперь-то могу признаться, что был в нее немножко влюблен.

В назначенное время я с ребятами был на месте.

Неподалеку с хворостиной в руке ходила какая-то дивчина в простой крестьянской одежде, с туго повязанным на голове платком, так что видны были только ее глаза и нос. Увидев нас, незнакомка быстро направилась в глубь леса. Фигурой и походкой она чем-то напомнила мне Лелю.

— Вот что,— сказал я своему связному Леше Гальчину, у которого был звонкий голос,— запевай песню нашей родной части.

— Есть! — по-военному ответил он и негромко, но так, чтобы девушка услышала, начал:

Слушают отряды песню фронтовую,
Сдвинутые брови, твердые сердца,
Родина послала в бурю огневую,
К бою снарядила верного бойца.

Дивчина в нерешительности остановилась, как бы прислушиваясь, а мы, уже втроем, продолжили эту, неизвестно кем сочиненную песню, своеобразный гимн части 9903:

Вот они — дороги в зареве тревоги,
На гранатной ручке не дрожит рука,
Приходилось туго гитлеровским слугам
От его стального острого штыка.

Тут незнакомка сорвала с головы платок и помчалась к нам. Леля!

— Здравствуй! — мы крепко обнялись.

— Ну рассказывай, как дела, а то Спрогис по рации постоянно спрашивает, что с твоей группой?

Лицо Лели посуровело. Она поведала мне о трагической гибели трех своих подруг, о двух девушках, захваченных фашистами, об очень серьезной травме позвоночника у Зины Морозовой. Попросила прислать к ней врача.

— Ни врача, даже фельдшера у меня нет,— ответил я, подумав, в каком тяжелом положении оказалась Лелина группа.— Будем просить Спрогиса прислать медицинскую помощь из Москвы.

— Только не думайте, что мы здесь не работали. Три засады на большаках устроили, немало гитлеровцев ухлопали. К тому же в одном крупном полицейском участке большой тарарам наделали.

— Так это ваших рук дело? — спросил я.— Расскажи, как все было?

— А что рассказывать? — пожала плечами Леля.— Сначала, как всегда, за подходами к участку наблюдали. Деревня, надо сказать, большая, около пятисот домов. На задание пошли Тоня, Ара, Вера и я. Не знаю, по какому поводу в окопах перед участком оказалось полно этих гадов. Они нас заметили и ураганный огонь открыли. Пришлось отойти и залечь. Эх, думаю, неужели наша операция сорвется? Необходим отвлекающий маневр. Была не была, по-пластунски подползла к забору участка, схватила попавшееся под руку ржавое ведро и изо всех сил его через забор бросила. А сама ползком назад. Шум от этого ведра поднялся на всю Европу! Немцы, понятно, на мою удочку клюнули и мгновенно огонь перенесли туда, где ведро загремело. Это был самый подходящий момент, чтобы подбежать к окопам сзади. Я туда пару гранат бросила, а потом вместе с девушками стали фашистов автоматными очередями расстреливать. Те в панике бросились бежать кто куда. Захватили в участке документы и в свой лагерь целы-невредимы вернулись. Одним словом, ведро выручило...

Не ведро, подумал я, а твоя находчивость и смелость.

— Теперь понятно,— сказал я Леле по пути в ее лагерь,— почему за твою голову немцы обещают тридцать тысяч марок, корову и два литра шнапса. Даже объявление читал: «Здоровенная баба, атаман-десантница Лелька».

— Я тоже об этом от своих связников слышала,— звонко рассмеялась Леля.— Только какую бы высокую цену фашисты за мою голову ни назначили, уверена, здесь никто меня не выдаст.

Место дислокации ее лагеря поначалу не понравилось: лес редковат, легко просматривается. Сказал об этом Леле.

— Просматривается, а нас не видно,— улыбнулась она.— Зато перед нами все как на ладони. Да и сзади — болото, попробуй подберись.

Пришлось согласиться — место выбрано удачно.

Нас окружили девушки из группы Лели и какие-то незнакомые парни в гражданском, подростки и несколько пожилых людей.

— Кто эти люди? — строго спросил я Лелю, памятуя о запрете командования части брать в группы местных.

Леля отвела меня в сторону.

— Это мои глаза и уши. Интересно, как бы я без них задания выполняла? Ведь от группы меньше половины осталось. Сколько ценных сведений эти люди для нас собрали! Прошу, когда будете Спрогису мои донесения передавать, не забудьте напомнить, что я к своей работе около пятидесяти местных привлекла.

И опять мне пришлось согласиться с ней. Привлечение к нашей работе населения не только существенно облегчало действия разведчиков, но и оказывало огромное морально-политическое воздействие на жителей оккупированных районов. Через связников даже до самых глухих деревень доходили вести о том, что Красная Армия все сильнее бьет гитлеровских захватчиков, а здесь, в глубоком тылу, активно действуют партизаны.

Решив облегчить положение группы Колесовой, я предложил ей передислоцироваться в мой лагерь. В ответ услышал:

— А куда я местных разведчиков дену? Вы же нас вместе с ними не примете. То-то! Одно хочу попросить: передайте в Москву, чтобы поскорее врача для Зины прислали.

Обговорили с ней места, время встреч и пароли.

Вернувшись к себе в лагерь, я, обеспокоенный положением группы Колесовой, передал в Москву радиogramму, в которой просил в дальнейшем серьезнее обучать десантников парашютному делу, а также ускорить высылку еще одной группы, непременно с врачом. Отдельно сообщил об инициативе Колесовой по привлечению населения к сбору необходимой информации и высказал свое положительное мнение на этот счет.

Вскоре, оценив важность сведений, полученных Лелей через ее связников, Центр разрешил зачислять в наши группы после тщательной проверки местных жителей.

9

Григорий Яковлевич Сорока

В начале второй декады мая 1942 года меня вызвал подполковник Спрогис и спросил, сколько времени понадобится, чтобы подготовить группу к заброске в Белоруссию для оказания помощи девушкам из группы Колесовой. Я ответил, что мы готовы хоть сегодня.

— Вылет назначаю в ночь на 15 мая,— сказал Артур Карлович и, уточнив другие задачи группы, добавил: — Вместе с вами полетит военфельдшер Винярский, чтобы облегчить страдания Зины Морозовой.

После приземления с помощью связных Бориса Вацлавского я встретился с Лелей. Обменялись крепким рукопожатием, она сразу же спросила:

— Какие новые задания привез из Москвы?

— Я прислан для помощи твоей группе. Что нужно в первую очередь?

— Помощь нашей группе? — удивленно-серьезно ответила Леля. — А ну пошли в лагерь!

Когда пришли, то понял, что ни в чьей помощи Леля и ее группа не нуждаются. За исключением, конечно, Зины Морозовой, которая, лежа на лапнике, улыбнулась мне, несмотря на нестерпимую боль. Около Зины хлопотал прибывший с нами военфельдшер Валерий Винарский.

Лагерь был в образцовом порядке. И землянка, и складские постройки сделаны добротнo, умелыми крестьянскими руками.

— Как это тебе удалось? — пораженный увиденным, спросил я Лелю.

— А у меня хорошие помощники, — ответила она. — Кстати, один из них сюда идет, Витей зовут.

Витя, подросток лет четырнадцати, молча кивнул Леле, и они отошли в сторону. Тихо сказав ей что-то, он каким-то особым, охотничьим шагом направился по тропинке в сторону деревни Миговщины. Проводив его взглядом, Леля пояснила:

— Витя Костюкевич — один из моих лучших связных. Его отец, лесник, тоже наш человек. И оба не знают, что каждый на меня работает... — Она лукаво улыбнулась, но тут же нахмурилась. — Был у меня еще один замечательный человек — лесник по фамилии Решетняк. Он лагерь оборудовал. Но вскоре кто-то из полицаев пронюхал, что Решетняк помогал партизанам, — голос Лели слегка дрогнул. — И тогда они и самого Решетняка, и всю его семью расстреляли.

Измученный всем увиденным и услышанным, я предложил Леле:

— Может, объединим наши силы. Жить в одном лагере легче.

— Спасибо за заботу, — ответила она, — но пока мы ни в чьей помощи не нуждаемся. А вот тебе кое-чем помогу.

И действительно, через родственников и знакомых своих связников Леля установила контакты с работниками железной дороги на станциях Крупки и Борисов. Некоторых из них она связала со мной, а вскоре помогла подобрать необходимую одежду Клавде Милорадовой — близкой подруге Зои Космодемьянской — для работы в Орше. Затем привела ко мне двух лучших своих связных — Митю Синяка и уже знакомого Витю Костюкевича.

— Только по старому знакомству отдаю тебе этих ребят, — полушутя сказала она. — Благо я еще несколько человек для такой работы подготовила.

Виктор не раз рассказывал мне о своей «работе» у Лели: «Сутками сидел недалеко от железнодорожного полотна. Леля дала мне часы, и я отмечал, когда в какую сторону и с какой техникой идут эшелоны. Потом относил эти записи в определенное место, там для меня стояла еда. Кто приходил за сведениями, не знаю, глубокая конспирация была».

Оставив в лагере Лели фельдшера Валерия Винярского, я со своей группой разбил лагерь поблизости.

Чуть позднее я узнал от Валерия о трагической смерти Зины Морозовой. Понимая, что вылечить ее в таких условиях невозможно, и считая, что она является обузой для своих подруг, Зина приняла самое, как ей казалось, справедливое решение. Когда однажды Валерий начал чистить свой пистолет, она спокойно попросила: «Дай-ка этим займись я». Ничего не подозревавший Валерий охотно выполнил ее просьбу, думая, что это занятие хоть как-то отвлечет Зину. Через минуту раздался выстрел — смерть Зины наступила мгновенно. Все мы глубоко переживали случившееся, особенно Леля. Она прикрепила к своей гимнастерке рядом с орденом Красного Знамени Зинину Красную Звезду.

— Теперь я за двоих буду бить фашистскую гадину! — сурово сказала она, а по щекам ее катились слезы.

Павел Иванович Кожушко

В начале июня 1942 года наш партизанский отряд под командованием Виктора Ливенцева совершал рейд из Кличевского района на север, к железной дороге Минск — Орша. Остановились в деревне Красное. Моя диверсионная группа начала готовиться к очередной операции на «железке». Наше «противозшелонное ружье», которым мы разъединяли рельсы, у настоящих подрывников могло вызвать только усмешку — гаечные ключи да путевые лапы. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. И с этим инструментом мы сумели уничтожить несколько десятков вражеских эшелонов.

В одной из деревень услышали от местных жителей, что на околице не раз появлялись девушки-десантницы в военной форме, с автоматами и винтовками. И командир у них — тоже девушка, вся грудь в орденах. Однако на наши просьбы помочь встретиться с ними жители неопределенно пожимали плечами: мол, не знаем, где они находятся. Кто-то посоветовал зайти в крайнюю к лесу хату в соседней деревне Бобр. Может, тамошние мальчишки что скажут.

Найти десантниц означало установить связь с Москвой.

— Будем искать, — дал я установку своим ребятам.

В указанной жителями хате мы застали двух пацанов лет десяти — двенадцати. Завели разговор о десантницах. Хлопчики клялись, что никаких партизанок «ни в жизнь не видели». Однако по излишней горячности, с которой они отнекивались, мы поняли, что им все известно.

На дворе стояла нестерпимая жара. Кто-то из моих парней решил напиться из колодца. Шест с бадьей был зацеплен за штырь. Он отцепил, набрал воды, наполнил флягу. Тут один из хлопчиков говорит: «Надо скотине воды к вечеру набрать», — и шаст из хаты с ведром к колодцу. Чувствую, не зря он заторопился, наблюдаю из окна. А он

опять закрепил шест на штыре. И тут чутье разведчика мне подсказало: это условный знак. Мол, в доме чужие, вход запрещен. Надо как-то внушить пацанам, что мы «свои». Стали как бы невзначай рассказывать о своих боевых делах. Мальчишки с сомнением разглядывали мои франтоватую шляпу и белоснежную рубашку, которые мне достались «по случаю» (прежняя моя одежда за время весенней распутицы напрочь расползлась). У меня сложилось мнение, что, если б хлопчиков даже пытали, они бы не сказали ни слова.

Наконец, уже под вечер, один из них заколебался:

— Надо сходить в лес, телочку поискать.

Мы пошли с ним, уговаривая привести кого-нибудь из партизан. Он ничего не ответил и пошел в глубь леса, потребовав, чтобы мы оставались на опушке. Я проинструктировал своих хлопцев, что и как делать, если вместо советских десантников явятся переодетые гитлеровские провокаторы.

Через некоторое время на лесной тропинке появилась девушка в кубанке. Защитная военная форма, на гимнастерке два ордена, через плечо автомат. Статная, светловолосая. Я оставил свой автомат на земле, направился ей навстречу.

Она приветливо улыбалась. Поздоровались.

— Леля.

— Павел.

Мои хлопцы уселись так, чтобы был круговой обзор. Покуривают, мирно беседуют. Посмотрев на них, Леля спросила с иронией:

— Уж не перессорились ли вы — спинами друг к другу сидите?

Разгадала нашу тактику! А сама пришла одна, без всякой страховки. Видно, крепко верила своим юным связникам.

— Пошли к нам, — пригласила Леля.

В лагере в сосновом бору познакомились с ее группой — одни девчата. И все каких-то пару недель из Москвы. Мы

давай наперебой расспрашивать их обо всем: кто каким фронтом командует, на сколько наши продвинулись вперед, какое оружие сейчас в ходу у подрывников.

— Конечно, не это,— кивнула Леля на наше «противо-эшелонное ружье». — С таким драндулетом много под откос не пустишь, особенно на нашем участке «железки».

Их участок — от Крупок до Борисова — тщательно охранялся немцами. Лес на протяжении нескольких километров по обе стороны от железнодорожной колеи вырублен на 50 метров. К тому же рядом проходила автомагистраль стратегического значения.

— В общем, дел у нас — только поворачивайся,— заключила Леля.

Один из моих наблюдательных подрывников — Иван Лысак «узрел» у девчат магнитные мины. На мою просьбу поделиться с нами взрывчаткой Леля, хитро подмигнув девчатам, предложила осуществить операцию вместе.

Наполнили фляги свежей водой, затем склонились над картой. Леля показала предполагаемое место операции. Я было запротестовал: мол, близко от лагеря, дорога сухая, овчарки мигом возьмут след.

— А мы свой отход заранее заминируем,— заметила Леля. — Собака мину обнюхает, дотронется и тут же вместе с проводником — в небеса. Кроме того, можно в липовые лапти обуться, у нас их предостаточно.

Она командовала всей операцией. Объяснила, кто минировать полотно, кто в охране справа и слева, кто прикрывает отход.

На опушке, совсем близко от железнодорожной насыпи, Леля, услышав шум приближавшегося эшелона, подошла ко мне:

— Под стук колес побежим к насыпи, ляжем и будем ждать следующего эшелона.

Вскоре вдалеке послышался шум другого состава, идущего в сторону фронта. Мы по-пластунски вползли на гре-

бень насыпи. Нина Шинкаренко из группы Лели уверенно уложила мину с внутренней стороны рельса. Я передал ей дополнительный заряд тола. Она пристроила его к mine и стала быстро спускаться вниз. Ушли с насыпи левое и правое крыло охранения. Я хотел остаться, но Леля шепотом скомандовала:

— Уходите, я сама прикрою ваш отход.

Вскоре она догнала нашу цепочку, пристроилась впереди и быстро побежала к лесу — спешила вывести группу из зоны взрыва. Вскоре яркая вспышка озарила лес.

— Всем за деревья! — раздалась команда Лели. И тут же со свистом, врезаясь в стволы, застревая в ветвях, посыпались отброшенные взрывной волной щебенка и камни. А на полотне со страшным скрежетом и шумом дыбились, падали под откос раздавленные вагоны; на дороге творилось то, что Леля любила называть «тарарам».

Со стороны «железки» слышалась беспорядочная стрельба дорожной охраны, но мы были уже далеко. Однако, взглянув на свой светящийся компас, я понял, что мы движемся как бы вдоль железной дороги. Подошел к Леле узнать, так ли это?

— Так, — махнула она рукой. — Просто я должна в один из своих «почтовых ящиков» заглянуть. Крюк километров двенадцать. Выдержите?

Я даже немного обиделся. Часа через полтора уже стало светать, мы опять вышли к «железке», к будке обходчика. Леля неслышно (она ходила так, что ни одна веточка под ногами не хрустнет) подошла к поленнице дров, запустила руку вглубь, вынула сложенный листок бумаги, сунула его в карман гимнастерки. Тут же вытащила из другого кармана новый листок и положила его на прежнее место. Как я узнал, в извлеченном листке сообщалось число эшелонов, прошедших в сторону фронта и в тыл, количество перевозимых грузов. Такие сведения для Центра представляли не меньшую ценность, чем пущенный под откос эшелон. А в тайник Леля положила переписанные от руки свежие

сводки Совинформбюро для распространения среди населения, а также задание на ближайшие дни...

После первой совместной диверсии на «железке» Леля дала всем три часа отдыха, а потом повела нас в лагерь Бориса Вацлавского. Я рассказал ему о партизанском отряде Виктора Ливенцева и о других известных мне отрядах. После очередного радиосеанса с Большой землей Вацлавский сообщил, что Центр дал командирам местных отрядов добро на разговор по рации.

Сам опытный подрывник и разведчик, я считаю Лелю своей учительницей, а себя — ее прилежным учеником.

11

Виктор Ильич Ливенцев

Когда Павел Кожушко вернулся с очередного задания и подробно доложил о встрече с Колесовой и Борисом Вацлавским, я с превеликой радостью принял предложение провести радиосеанс с Москвой. Год с лишним ждали мы этого часа, и вот наконец встреча с людьми с Большой земли. Каково там? Ведь с начала фашистской оккупации мы не получали центральных газет, у многих по ту сторону фронта остались семьи, для которых мы были «пропавшими без вести». И, как выяснилось позже, на многих из нас даже пришли «похоронки». Поэтому можно представить мое состояние, когда вместе с Кожушко я пошел на встречу с Лелей Колесовой. Только она знала проходы через заминированную местность, ведущие в лагерь Вацлавского.

Не столь важно, как мы дошли до лагеря Бориса Вацлавского — высокого, крепко сложенного человека, опытного разведчика. За окладистую бороду его называли Бородачом.

Наконец-то состоялся мой первый радиосеанс с Центром. В ответной радиограмме Центральный штаб парти-

занского движения дал четкие указания о порядке подчиненности отрядов, о том, на какие именно железнодорожные участки необходимо обратить особое внимание (Гомель — Минск, Борисов — Орша, Могилев — Жлобин). Большая земля стала присылать нам на транспортных самолетах взрывчатку, мины, вооружение, боеприпасы. И первой из тех, кто вывел нас на связь с Москвой, была Леля Колесова.

Она поражала всех нас, бывалых, смелых вояк, своей редкостной храбростью, удалью, граничащей на первый взгляд с ухарством и бесшабашностью. Но, как я понял вскоре, за всем этим стоял продуманный, тонкий расчет. Чего стоит только ее операция, получившая название «мина-ребенок».

А началось все так. После совместных с Кожушко удачных диверсий на железной дороге девушки опять стали действовать самостоятельно. Не один раз ходили они на «железку», но подложенные под рельсы мины не срабатывали: то ли батарейки отсырели, то ли еще что, а вражеские эшелоны с живой силой и техникой беспрепятственно шли к фронту. В то же время у Павла Кожушко, который выпросил у девушек изрядное количество взрывчатки, детонаторов и мин, эшелоны взлетали на воздух как по заказу. Настроение у девушек сильно упало.

— Павел, конечно, выдающийся подрывник, но мы тоже не лыком шиты,— хмурясь, сказала мне вскоре Леля.— Попробую пойти сама, причем днем.

Выходить на «железку» днем не отваживались даже самые опытные подрывники.

Как ни пытались мы с комиссаром отряда Д. А. Лепешкиным отговорить Лелю от этого крайне рискованного шага, она твердо стояла на своем:

— Не волнуйтесь, я все продумала.

Переоделась во все крестьянское, запеленала тол и мину в обрывок одеяла, как грудного ребенка. Привязав свое «детище» к велосипеду, отобранному у одного из полицейев, Леля укатила, помахав на прощание рукой.

Ждем ее день, второй. Серьезно забеспокоились. Но к исходу второго дня она вернулась взволнованная, веселая. Ее обступили, посыпались вопросы:

— Где пропадала? Как дела?

— Вы мне сначала поесть дайте,— улыбнулась Леля,— я от голода буквально с ног валюсь.

С аппетитом поела и рассказала:

— Только я велосипед в надежном месте спрятала, смотрю, полицейский на тропинке появился. «Чья будешь?» — спрашивает. Хорошо, один партизан как-то рассказал мне, что в деревне рядом его тетка живет, даже хату показал. Так я полицаю и объяснила, мол, иду к тетке. Он недоверчиво хмыкнул, за мной увязался, прямо до хаты проводил. Пришлось мне для него горячую встречу с «тетей» разыграть. «Тетенька, милая, здравствуйте!» — обняла ее, целую и шепчу: «Привет вам от Володи». Хозяйка, спасибо ей, понятливая оказалась. Захлопотала, закуску на стол поставила. А полицай не уходит. Хозяйка бутылку самогона ему сунула, он даже не поблагодарил, зато с глаз скрылся.

Переночевала у хозяйки и часам к одиннадцати дня к «железке» вышла. «Ребеночка» в кусты положила и присоединилась к старушке с девочкой щавель собирать. Вдоль полотна полицай с винтовкой в руках прогуливается, на нас подозрительно посматривает. А тут как раз вдали гудок паровоза послышался. Вижу, длинный эшелон в сторону фронта тянется, на платформах то ли орудия, то ли танки под брезентом. Я уже и место подходящее присмотрела для «ребеночка» — на повороте, в низинке. Только этот гад, изменник, на бугор возле телеграфного столба уселся — и ни с места. Его бы прикончить, да на выстрел соседние часовые сбегутся, «ценный» состав целехонек останется. Была не была! Подбегаю к полицаю, шепчу на ухо: «Вы здесь, пан полицай, носом клюете, а рядом на опушке леса группа партизан залегла, определенно эшелон подорвать собираются! Вам надо на станцию, караул упредить, только не по насыпи бегите, а то партизаны нас обоих ухлопают!»

Полицай свою винтовку подхватил и без оглядки затрусил в сторону станции. А состав уже совсем близко, секунды нельзя терять. Подскочила я к кустам, хватаю своего «ребеночка», старушке с девочкой тихо крикнула: «Немедленно в лес!», а сама — к полотну... Ну а все остальное было делом техники, которая у нас с вами хорошо отработана...

Едва успела за кусты отбежать, слышу, гроыхнуло... Повалился набок паровоз, вагоны, платформы с танками, орудиями полезли друг на друга, закувыркались...

— Я опрометью,— продолжала Леля,— помчалась к месту, где свой велосипед оставила. Но было уже поздно: дорога назад гитлеровцами отрезана, они с криком и гамом к месту взрыва бегут. Спасибо, рядом ель поваленная подвернулась, я под ее ветки нырнула, на всякий случай пистолет сняла с предохранителя и гранату выхватила. Сердце стучит так, что, кажется, за километр слышно. Только немцы на поваленную ель никакого внимания не обратили, не до меня им было,— весело заключила Леля под громкий смех партизан.

Операция «мина-ребенок» стала среди партизан своеобразной легендой. Даже наш ас из асов подрывного дела Павел Кожушко признался мне, восхищенно качая головой:

— Это надо же! — Средь бела дня, да еще в одиночку подорвать эшелон! — Лично мне даже мысль такая не приходила в голову...

12

Белорусские партизаны все сильнее давали о себе знать оккупантам. В майские дни 1942 года командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал пехоты фон Шенкендорф сообщал своему командованию: «Непрерывное усиление групп противника за линией фронта и рост партизанского движения во всем тыловом районе принимают настолько угрожающие масштабы, что я должен обратить внимание на эту опасность...

Партизаны господствуют... в ряде важных в хозяйственном отношении областей тылового района группы армий «Центр»...» И напуганный командующий охранными войсками настоятельно просил добавить к уже имеющимся у него двадцати пяти охранным батальонам еще тринадцать и вновь подчинить ему две охранные дивизии. А в приложении к докладу главной железнодорожной дирекции групп армий «Центр» недвусмысленно говорилось: «Налеты партизан в июне месяце приняли столь угрожающие масштабы, что пропускная способность дорог... вызывает самые серьезные опасения...»

Гитлеровские каратели решили полностью расправиться с партизанами. В середине июля части двух фашистских охранных дивизий блокировали Усакинские леса в Кличевском районе. Группы Колесовой и Сороки вместе с несколькими тысячами партизан из одиннадцати отрядов были вынуждены передислоцироваться в глубь этих лесов. Разъяренные гитлеровцы сжигали деревни вместе с населением. На партизан сбрасывались с самолетов сотни бомб, листовки с призывом убивать своих командиров, а самим сдаваться в плен.

На совещании командиров партизанских отрядов для прорыва блокады был создан ударный отряд, которым командовал В. И. Ливенцев. Остальные небольшими группами выходили из кольца в разных местах. Бойцы Колесовой и партизанский отряд В. П. Свистунова были последними, фактически являясь группой прикрытия. В этих жестоких боях были ранены Аня Минаева и Вера Ромащенко.

После прорыва блокады, во время которой гитлеровцы понесли значительный урон и убрались восвояси, по существу, не выполнив своего задания, группа Колесовой вместе с отрядом Свистунова вернулась в район Крупок. Здесь они ежедневно «работали» — проводили операции на «железке», громили фашистские гарнизоны.

Из стенограммы беседы с подполковником А. К. Спрогисом 30.12 1942 года в Москве (Комиссия по изучению Великой Отечественной войны)

«В августе 1942 года я с группой бойцов части 9903 десантировался в Белоруссию для выполнения спецзадания командования... 11 сентября сделали налет на деревню Выдрица (очень укрепленный район) объединенными силами отрядов — своего (командиры я и Г. Я. Сорока) и партизан (командиры В. П. Свистунов и Ф. В. Юданов). Наше наступление началось в 4.30 утра...»

Крупная деревня Выдрица — несколько сотен домов, — расположенная на высоком пригорке, с двух сторон лес, через реку Бобр мост, была для партизан, что называется, бельмом на глазу. Выдрицкий фашистский гарнизон чувствовал себя в безопасности — это было отличнейшее место для круговой обороны.

Вместе с такими же крупными гарнизонами в близлежащих деревнях Крупки и Велятичи он представлял собой хорошо укрепленную систему обороны гитлеровцев. Пользуясь этим, оккупанты варварски вырубали лес и сплавляли его по реке Бобр, а также контролировали движение своего транспорта по дороге от Крупок до Борисова. Летом 1942 года, ощутив силу ударов партизан, гитлеровцы стали укреплять свои гарнизоны дотами и дзотами, окопами с ходами сообщения, обносить их изгородями из колючей проволоки.

Партизаны давно вынашивали мысль об уничтожении Выдрицкого гарнизона, расположенного неподалеку от авто- и железнодорожной магистрали. Поздним вечером 10 сентября 1942 года в деревне Прудок в хате одной из связных Колесовой собрались командиры партизанских отрядов — В. П. Свистунов, Ф. В. Юданов, представители части 9903

Спрогис и Сорока. Предстоящая операция по разгрому Выдрицкого гарнизона нуждалась в тщательной разработке.

— Хорошо бы заминировать все подходы к Выдрице и Крупкам,— предложил Спрогис, который уже хорошо ориентировался в местной оперативной обстановке.— Оттуда гитлеровцы могут прийти на помощь своим соседям.

Все согласились с его мнением. Рассмотрели и другие предложения, установили места расположения всех групп. Начало операции назначили на 4.30 утра 11 сентября.

Бой предстоял тяжелый, поэтому на совещании было решено группу Колесовой к операции не привлекать. Зная горячий характер Лели, Спрогис специально назначил ее дежурной по лагерю. Леля вроде бы согласилась, но на рассвете, когда отряды уходили на задание, она неожиданно появилась в хате среди бойцов части 9903 с автоматом за спиной.

— Почему нарушила приказ? — строго спросил Спрогис.— Ты же дежурная.

— В Выдрице фашисты схватили Тоню Лапину и Шуру Лисицыну,— решительно ответила Леля.— Я должна за них отомстить!

Все выжидательно посмотрели на Спрогиса.

— Я поступил бы так же,— глухо сказал подполковник.— Пусть остается...

Выдрицкий бой описан в разное время несколькими авторами. В этих описаниях многие детали не сходятся, подчас по-разному расставлены акценты. И это неудивительно — каждый автор воссоздавал картину боя либо по своим личным воспоминаниям (а с того времени минуло более сорока лет!), либо по рассказам людей, непосредственно в этом бою не участвовавших, однако наслышанных о нем от своих товарищей, которые сражались с гитлеровцами у деревни Выдрица.

В основу нашего рассказа о выдрицком бое положены воспоминания бывшего командира партизанского отряда Ф. В. Юданова, командира группы части 9903 Г. Я. Сороки, бойцов этой же части В. Ф. Костюкевича, Д. М. Дмитриева и В. С. Буташина. Все они находились в самой гуще этой схватки, и, вероятно, поэтому их рассказы ближе других к истине. Аналогичное описание боя дано и в последнем официальном источнике — книге «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» (Минск, 1983, т. 1).

...Незадолго до рассвета отряды партизан и группы части 9903, перейдя вброд реку Бобр в двух километрах от Выдрицы, незаметно подошли к фашистским окопам и открыли по ним шквальный автоматнo-пулеметный огонь. Гитлеровцы укрылись в дзотах и доте. Оттуда застрочили их пулеметы и автоматы. Теперь уже партизанам пришлось залечь, значительная часть их сил была переключена на прикрытие подходов к Выдрице со стороны Велятич и Крупок.

Несколько часов длился этот ожесточенный бой. Под натиском партизан гитлеровцы стали отступать к зданию школы. Их отход прикрывался яростным огнем из дзотов. Особенно прицельно бил пулемет из дота. Атака партизан заметно ослабла, им пришлось буквально вжаться в землю. Среди них, в передней цепи, лежала и Леля.

Никто поначалу не понял, почему она, неожиданно поднявшись в полный рост, стремительно побежала к доту, строча по нему из автомата.

— Лелька, ложись, убьют! — испуганно крикнул кто-то. Но она, словно не слыша окрика, продолжала бежать прямо на дот. И тогда все, замерев, поняли замысел Лели. Она решила любой ценой, пусть даже ценой собственной жизни, заставить замолчать вражеский пулемет, под огнем которого захлебнулась атака партизан.

— Ложись! — раздалось одновременно несколько голосов. И в этот момент Леля, словно споткнувшись о невидимое препятствие, на секунду застыла на месте, а затем рухнула на землю.

Находившиеся неподалеку бойцы Дмитрий Дмитриев, Виктор Буташин, командир партизанского отряда Василий Свистунов подползли к Леле. Она была без сознания. Ее бережно отнесли за дом, в укрытие, сделали перевязку. «Ребята, я ранена», — открыв глаза, тихо сказала Леля и снова потеряла сознание. Затем, словно пересилив себя, с трудом произнесла: «Ребята, я умираю».

Ее осторожно переложили на повозку и повезли в сторону деревни Миговщины, все еще не теряя надежды на то, что она будет жить. Но этого чуда не произошло: пуля зацепила сердце.

— Ребята, Леля убита! — пронеслось по цепи партизан. И тут же они с криком «Ура!» неудержимой лавиной рванулись вперед на штурм дота, дзотов, школьного здания. Их огонь заметно усилился — это партизанский отряд под командованием И. З. Изоха, возвращавшийся с задания на «железке», поспешил на помощь своим товарищам. Выдрицкий гарнизон был разгромлен и полностью уничтожен.

Хоронили Лелю в тот же день в деревне Миговщине (позднее ее останки перезахоронили в районном центре Крупки). Проститься с ней пришли бойцы и командиры расположенных окрест партизанских отрядов. Все подходы к Миговщине тщательно охранялись.

Она лежала в гробу, утопая в живых цветах, которые невесть откуда принесли женщины. Скорбной толпой стояли вокруг местные жители, многие из них были хорошо знакомы с Лелей. Трудно было смириться с мыслью, что ее нет в живых. Даже суровые, не раз смотревшие смерти в лицо партизаны плакали.

На траурном митинге выступили многие. Последним взял слово подполковник Спрогис. Его обычно по-военному лаконичная чеканная речь прерывалась — горло сдавливали спазмы, в глазах стояли слезы. В конце Спрогис сказал:

— Своими героическими боевыми делами, мужеством и отвагой Елена Колесова заслуживает звания Героя Советского Союза!

Трижды грянул залп из винтовок и автоматов. Партизанский край провожал свою героиню в последний путь со всеми воинскими почестями...

В ноябре 1944 года Елене Федоровне Колесовой было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Она прожила жизнь короткую, но яркую, подобно комете, прорезавшей небосвод, оставив неизгладимый след в памяти людей.

14

После гибели своего командира Нина Шинкаренко, Ара Фанталова, Надя Белова, Аня Минаева, Вера Ромащенко в группах Григория Сороки и Бориса Вацлавского (подполковник Спрогис в конце сентября 1942 года был тяжело ранен и отправлен в Москву) продолжали храбро сражаться с гитлеровскими оккупантами в Белоруссии. Их военные судьбы, за исключением Нины Шинкаренко, также сложились трагически. В мае 1943 года во время прорыва партизанами очередной, тяжелой блокады карателей в Усакинских лесах погибли Надежда Белова, Вера Ромащенко, Анна Минаева. Тогда же приняла героическую смерть бесстрашная пулеметчица коммунистка Ариадна Фанталова, отражая атаки фашистов. Она была самой старшей из них: за ее плечами было строительство Магнитки и много других славных дел.

Нина Шинкаренко продолжала воевать в рядах партизан под Могилевом, Бобруйском, Минском, до начала июля

1944 года, когда партизанские отряды соединились под Новогрудком с частями Красной Армии, освобождавшими Белоруссию. Именно в это время Шинкаренко стала Флягиной, соединив свою судьбу с пулеметчиком части 9903 Александром Флягиным, впоследствии ответственным работником аппарата Министерства внутренних дел. Нина Иосифовна Флягина, кавалер ордена Красной Звезды, медали «Партизану Отечественной войны» I степени и других боевых наград, окончила после войны Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры, некоторое время работала там преподавателем, а с 1948 года стала тренером-методистом Спорткомитета СССР. Командировки в Белоруссию как бы воскрешали суровые военные годы. Тем более что во главе Спорткомитета БССР долгое время находился бывший командир партизанского отряда Герой Советского Союза Виктор Ильич Ливенцев. При встречах им было о чем вспомнить.

У персональной пенсионерки Нины Иосифовны Флягиной почти нет свободного времени. Она ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию нашей молодежи. Ее часто можно встретить у пионеров и школьников 47-й московской школы, в которой преподавала и была старшей пионервожатой Леля Колесова. Не забывает Нина Иосифовна и московское педучилище № 2 (бывший индустриально-педагогический техникум), которое дало путевку в жизнь командиру их группы. Много сделала Нина Иосифовна для создания музея Лели Колесовой в 25-й школе-интернате Москвы. Неоднократно приезжала она в районный центр Минской области — Крупки, чтобы рассказать ученикам местной школы № 2 о бесстрашной разведчице Герое Советского Союза Елене Федоровне Колесовой. Как самая дорогая реликвия висит в просторной московской квартире Н. И. Флягиной на видном месте увеличенная фотография знаменитой «девятки» Лели Колесовой.

Такую же фотографию мы увидели у Антонины Ива-

новны Лапиной, которая живет сейчас в Гусь-Хрустальном. Три страшных года, проведенных в фашистских концлагерях, не сломили отважную разведчицу. Возвратившись на родину, Тоня Лапина ненадолго уехала к родным в Пензу поправить здоровье. Затем снова вернулась в Москву, продолжала учебу в институте инженеров геодезии, аэрофотоъемки и картографии.

— Долгое время не знала, что с группой, кто жив, — рассказывала нам Антонина Ивановна. — Все выяснилось во время случайной встречи на улице с Ниной. Оказалось, что в живых остались только мы вдвоем. Особенно потрясла меня гибель Лели, она была для меня примером во всем...

Антонина Ивановна работала инженером-геодезистом на стекольном заводе в Гусь-Хрустальном, была бессменным пропагандистом парткома предприятия, активным членом военно-патриотической секции. Но годы берут свое. Антонина Ивановна несколько лет тому назад ушла на пенсию, но она регулярно приезжает в Москву на традиционные сборы ветеранов части 9903. Бывает она и на встречах с однополчанами 9 Мая, которые проходят в парке Победы возле станции метро «Проспект Вернадского».

Очень хочется, чтобы эти встречи однополчан продолжались еще долгие-долгие годы.

15

Война разбросала по разным городам людей, которые любезно согласились помочь нам написать книгу о Леле Колесовой.

Борис Николаевич Вацлавский живет в Киеве. Оправившись после тяжелого ранения и контузии, он был направлен парторгом на один из киевских заводов. Заочно окончил экономический факультет Политехнического института. Сейчас работает в Госплане Украинской ССР.

Мы встретились с Борисом Николаевичем в Киеве, у него дома. Нас приветствовал подтянутый, сухощавый человек с военной выправкой, с умным и добрым взглядом.

— Давно пора написать книгу о Леле,— одобрительно сказал он.— Включайте магнитофон.

И спокойным, ровным голосом начал рассказывать. И лишь когда магнитофон был выключен, признался:

— Знаете, я тщательно готовился к этой встрече. Но, едва начав говорить, понял, что от волнения вот-вот дрогнет голос и придется глотать валидол. Не думал, что так тяжело ворошить память прошлого.

Прощаясь, Борис Николаевич решительно сказал:

— Если возникнут какие-либо вопросы, не стесняйтесь, звоните. Это наше общее и нужное дело.

Через некоторое время от Бориса Николаевича пришло несколько писем, в которых ветеран части 9903 сообщал нам новые подробности о своей прославленной однополчанке.

С подполковником в отставке Григорием Яковлевичем Сорокой мы беседовали в Москве, хотя живет он в украинском городе Черкассах. Нам посчастливилось увидеть Григория Яковлевича в школе № 15, куда он приехал на очередную встречу ветеранов части 9903 и делился своими воспоминаниями о Леле Колесовой. Затем мы попросили его рассказать о своей послевоенной жизни. Удивленно посмотрев на нас, Григорий Яковлевич пожал плечами:

— А что, собственно, рассказывать? Служил в армии, демобилизовался, работал, сейчас военный пенсионер.

А ведь кавалеру ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды и других правительственных наград, наверное, есть о чем рассказать. Хотя бы о том, как после войны командовал военно-строительной частью, а демобилизовавшись в 1959 году по болезни, четырнадцать лет продолжал работать в одной из строительных организаций Черкасс. Коммунисты неоднократно избирали его секретарем парткома организации. Он был депутатом Черкасского городского Совета народных депутатов трех созывов. А сколько времени отдано общественной работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи — не

счесть! Именно за эту работу Г. Я. Сорока был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Дмитрий Маринович Дмитриев, пришедший в часть 9903 в ноябре 1941 года прямо из 9-го класса московской школы, по сей день в боевом строю. Преподаватель Военной академии химзащиты имени маршала С. К. Тимошенко, полковник Дмитрий Маринович показал нам карту, на которой его рукой обозначены все места боев в белорусских лесах, проходы, по которым прорывались из фашистских блокад партизаны и бойцы части 9903. И снова значительная часть рассказа была посвящена Леле Колесовой, ее незаурядному таланту разведчика и героической гибели в выдрицком бою. А о себе — несколько скупых фраз.

О том, как сложилась его послевоенная биография, так же как и жизнь Афанасия Кондратьевича Мегеры, мы узнали, побывав в совете ветеранов части 9903, который находится в школе № 15 Пролетарского района Москвы. После ранения в Белоруссии подполковника А. К. Спрогиса А. К. Мегера стал командиром части 9903. Окончив после войны Военную академию имени М. В. Фрунзе, он до 1955 года передавал накопленный практический опыт работы молодым офицерам. Выйдя в отставку, Афанасий Кондратьевич почти два десятилетия вел партийную работу в научно-исследовательском институте. Сейчас он заместитель председателя совета ветеранов части 9903, оказывает большую помощь клубу «Поиск» 15-й школы.

Отправляясь в Минск на встречу с Героем Советского Союза Виктором Ильичом Ливенцевым, мы знали о большом и славном пути, который прошел после войны этот мужественный человек, кавалер 25 правительственных боевых и трудовых наград, ставший коммунистом в 22 года, а в 25 лет — командиром партизанской бригады.

После войны Виктор Ливенцев работал в ЦК комсомола Белоруссии, в 1947 году был избран вторым секретарем ЦК ЛКСМ республики. Он окончил Высшую партийную школу и исторический факультет педагогического институ-

та. Во время нашей встречи с Виктором Ильичом он был на ответственной работе в аппарате ЦК Компартии Белоруссии. Если добавить, что В. И. Ливенцев — член Советского комитета ветеранов войны, многих республиканских обществ, а также занимается литературной деятельностью (его книга «Партизанский край», выдержавшая три издания, широко известна за пределами Белоруссии), то нетрудно понять, что его время рассчитано по минутам.

Мы встретились с Ливенцевым в его рабочем кабинете. Из-за стола к нам вышел, широко улыбаясь, среднего роста, спортивного вида человек с добрым лицом и лукавинкой в голубых глазах. Мы почувствовали, что он тоже взволнован, но тщательно это скрывает. Так оно и оказалось.

— Спрашивайте,— сказал он, усадив нас напротив себя.— О Леле Колесовой я готов рассказывать хоть до утра. Вот только спокойно говорить о ней не могу.

О Павле Ивановиче Кожушко мы были наслышаны от Ливенцева после знакомства с многочисленными архивными документами. После освобождения Белоруссии бесстрашный подрывник, кавалер двух орденов Ленина, награжденный за партизанскую деятельность именным оружием, Павел Иванович был на ответственной комсомольской работе в Минске. Неожиданная тяжелая болезнь — результат длительной «болотной жизни» — надолго вывела его из строя. Но мужественный, волевой человек не знал слова «сдаюсь». Как только болезнь немного отступила, он немедленно попросил направить его на любую работу, лишь бы быть полезным людям. Его назначили директором дома отдыха, где он проработал до ухода на пенсию.

Мы разговорились. Зная о цели нашего визита, Павел Иванович снял с полки и протянул нам журнал «Неман» за июль 1982 года.

В этом журнале в разделе «Записки. Воспоминания. Документы» были опубликованы отрывки из военных воспоминаний П. Кожушко «Партизанская гвардия». Немало страниц в них отведено Леле Колесовой и ее группе. Но

куда интереснее было слушать самого Павла Ивановича, рассказ которого с некоторыми сокращениями помещен в нашей книге.

Прощаясь, Кожушко сказал:

— Если б в те далекие годы Лелю Колесову назначили командиром подрывников в наш отряд, я бы посчитал за честь служить под ее началом...

В Крупском районе Минской области в деревне Докудово находится правление колхоза «Большевик». Его председатель Виктор Филиппович Костюкевич. Тот самый Витя Костюкевич, который был одним из лучших связных Лели Колесовой.

Виктор Костюкевич стал бойцом в группе Григория Сороки. Он храбро сражался против оккупантов на территории Белоруссии, а после ее освобождения — в Восточной Пруссии. Был тяжело ранен. Ему пришлось ампутировать ногу. Вернулся в родную деревню Докудово и вот уже почти сорок лет бесценно руководит колхозом. Не один раз избирался депутатом Верховного Совета СССР, имеет много правительственных наград.

— Леля Колесова — моя первая и самая лучшая боевая наставница, — сказал Виктор Филиппович нам на прощание. — Иной раз закрою глаза и передо мной встает она — бегущая в полный рост к доту...

Так говорят о Леле Колесовой ее боевые товарищи, о жизни каждого из которых можно написать самостоятельную книгу.

В белорусской деревне Выдрице возле здания сельского Совета всем виден белый камень, на нем красными буквами написано: «Здесь 11 сентября 1942 года погибла Елена Колесова».

В районном центре Крупки Минской области на кладбище, где захоронены Леля Колесова и ее боевые подруги — Зина Морозова, Тамара Маханько, Тася Алексеева,

Таня Ващук, установлена мраморная доска с их именами.

Напротив здания школы № 2 на каменном постаменте стоит скульптура девушки в кубанке, с автоматом через плечо. Это памятник Елене Федоровне Колесовой. На торжественное его открытие приехали почетные гости: Артур Спрогис, Григорий Сорока, Нина Флягина, Дмитрий Дмитриев, Феодосий Юданов, Виктор Костюкевич, подруга Лели Елена Шевелева, представители ЦК ЛКСМ Белоруссии, бывшие партизаны и связные Колесовой, местные жители, пионеры московской школы-интерната № 25, крупной и выдрицкой школ — всего более трех тысяч человек.

Ежегодно у этого памятника проходит торжественная церемония принятия школьников в пионеры.

— Памяти Героя Советского Союза Елены Колесовой будем достойны! — разносится окрест, и вслед за этим звенит песня, которую привезли в подарок белорусским школьникам московские пионеры:

Слушай, Леля, о тебе поет отряд,
Твое имя будем помнить мы...

Да, будем помнить! На родине Лели в деревне Колесово Ярославской области установлен бронзовый памятник, мемориальные доски мы видели у входа в московское педучилище № 2 и на здании 47-й средней школы столицы; улицы, школы, пионерские дружины носят имя героини, созданы музеи памяти Е. Колесовой, клубы «Поиск» в Крупках и в Йошкар-Оле, в Минске и Свердловске, в Ярославле, Новосибирске и Москве.

Каждый год 11 сентября, в день гибели Лели Колесовой, учащиеся педучилища № 2 встречаются с ветеранами части 9903. Здесь члены клуба «Поиск» рассказывают о своих походах по местам боевых действий группы Е. Колесовой, учащиеся читают стихи, посвященные героине, ветераны части делятся своими воспоминаниями о ней. В этот же день проводятся пионерские сборы и в московской школе № 47,

где выступают ветераны части 9903 и бывшие ученики Лели Колесовой.

В 15-й московской школе традиционные сборы памяти Е. Колесовой проходят 6 декабря — в день начала разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. На эти сборы съезжаются из разных городов страны члены школьных клубов «Поиск», чтобы доложить совету ветеранов части 9903 о проделанной работе по «открытию» новых адресов и имен, которые дополняют славную историю части.

Время не властно вытеснить из памяти людской имена тех, кто пожертвовал собой ради великой Победы, во имя мирной жизни будущих поколений.

Подвиги таких героев бессмертны.

Авторы благодарят за помощь в создании этой книги товарищей Елены Колесовой по совместным боевым действиям в Подмоскowie и Белоруссии.

Выражаем искреннюю признательность работникам Центрального архива Министерства обороны СССР, Института истории СССР АН СССР, партийного архива Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, Института истории Белоруссии АН БССР, Музея истории Великой Отечественной войны (г. Минск), Московского партийного архива, Крупского райкома КП Белоруссии, Выдрицкого поселкового Совета народных депутатов, Крупского района Минской области, преподавателям и учащимся московских 15-й и 47-й средних школ и педагогического училища № 2 и Крупской средней школы имени Елены Колесовой.

СОДЕРЖАНИЕ

СЮДА ПРИХОДИЛИ САМИ	3
ПЕРВЫЕ УДАЧИ И ОШИБКИ	21
ДЕВИЧИЙ ФЛАГ	44
НА НЕЕ ДЕРЖАЛИ РАВНЕНИЕ	69

ИБ № 4153

Сдано в набор 27.01.86. Подписано в печать 11.05.86. А 00083. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,43. Уч.-изд. л. 5,33. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 1539. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Георгий Борисович Пороженко,
Людмила Трофимовна Пороженко

ИХ В РАЗВЕДКУ ВОДИЛА ЛЕЛЯ

О Герое Советского Союза
Е. Ф. Колесовой

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Д. И. Жеребкина*

Младший редактор *Т. А. Ходакова*

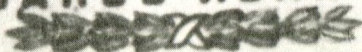
Художник *А. А. Брантман*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *В. П. Крылова*

В 1941 - 1942 гг
в правом крыле
этого корпуса МЗи
формировались группы
партизанско-
разведывательной
части 9903.
Среди награжденных
бойцов части
пять удостоены звания
Героя Советского Союза:
КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ ЗОЯ
КОЛЕСОВА ЕЛЕНА
ДРОНОВ НИКИТА
ЛИНЬКОВ ГРИГОРИЙ
БАНОВ ИВАН

ПОЛИТИЗДАТ

В серии «Герои Советской Родины» выходят очерки о лучших людях нашей страны: профессиональных революционерах, старых большевиках — соратниках В. И. Ленина, героях гражданской и Великой Отечественной войн, героях труда — рабочих, колхозниках, ученых. Это люди разных поколений, но они едины в своей преданности делу революции, делу партии. Авторы книг — писатели и журналисты — рассказывают о людях и событиях. Книги этой серии рассчитаны на широкий круг читателей.

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ